

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДЫЕ
ГВАРДИЯ

№ 38
1982

Валерий
Косихин

ПОСЛЕДНИЙ
РЕЙС

Валерий Косихин родился в 1946 году в Сибири, на севере Тюменской области. Работал сначала в районной, а потом в молодежной газете. Окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей. В 1977 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книга повестей и рассказов «В самом начале жизни».

Валерий Косихин — сибиряк. Судьбы земли, рек, людей, живущих здесь, святы для него.

Мужское дело — осенняя путина. Тяжелое, изнуряющее. Но писатель не был бы писателем, если бы за внешними приметами поведения людей не видел их внутренней человеческой сути. Валерий Косихин показывает великую, животворную силу труда, преображающего людей, воскрешающего молодецкую удаль дедов и отцов, и осенние дождливые, пасмурные дни освещаются таким трудом.

Повесть «Последний рейс» современна, она показывает, как молодые герои наших дней начинают осознавать ответственность за происходящее в стране.

Пожелаем всего самого доброго Валерию Косихину на нелегком пути писателя.

Владимир КРУПИН

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ № 38
ГВАРДИЯ 1982

Валерий
Косихин

Последний
рейс

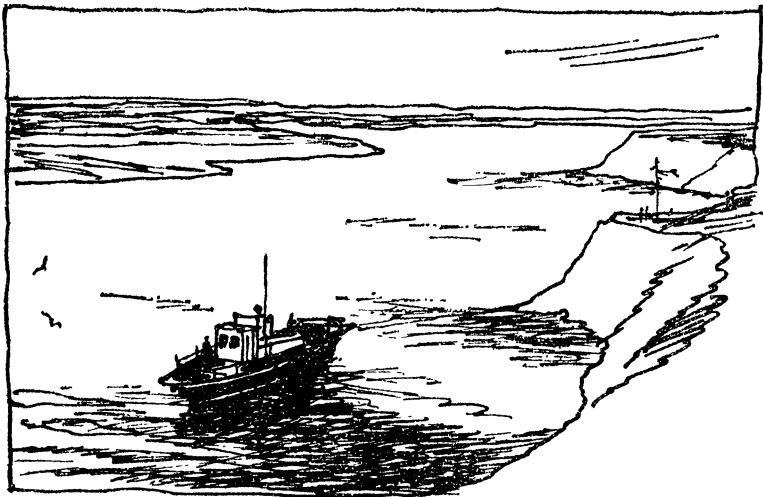
Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художник Валерий ТОГОВИЦКИЙ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

© Издательство «Молодая гвардия».
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1982 г.
№ 38 (45).

I

Когда самоходка нацелилась щучьим носом в его сторону, Борис Денисков шумно вздохнул полной грудью, расстегнул рыбацкую штормовку и закурил, переживая про себя утомленное облегчение... вялое такое, инертное облегчение, отстранение от берега, на котором стоял, где два дня проторчал в ожидании речной оказии, от деревеньки, в которой провел три быстролетных месяца путины, и от неожиданной сердечной привязанности, послужившей причиной его задержки здесь, в Сатыге. Борькина бригада снялась отсюда неделю назад, на легком водометике отплыла вниз по Оби в Сургут, на зимние квартиры. Два дня сидел Денисков на бесприютном деревенском берегу, мучаясь в двух совершенно несовместимых надеждах... То ему хотелось попутного катера, чтобы поскорей убраться из Сатыги, то думалось: вот сейчас прибежит на берег молоденькая фельдшерица Рита Кречетова и кинется

ему на шею, заплачет и скажет: «Прости... твоя» — и тогда он останется здесь на зиму... навсегда... А самоходка плавным накатом сунулась в береговой песок, и Борис увидел в ходовой рубке за штурвалом знакомое лицо Лосинского. Значит, рация точно сообщила: последний рейс по рыбацким пескам делает Иосиф Лосинский — собирает последнюю рыбу, последних рыбаков, икру для рыбозаводского «инкубатора». Всё последнее в этом году, в этом сезоне. Обь отяжелела, забрюхатела ледяными зародышами. Идет по Оби шуга.

Борис прыгнул на палубу и между штабелями ящиков, пустых и с рыбой, пробрался в ходовую рубку, в тепло живого корабля. Никто так и не пришел проводить его. ПТС-36 (приемно-транспортное судно) дало задний ход, вышло на фарватер, и скоро крохотная деревенька с хантэйским названием осталась в далеком холодном ненастье.

Лосинский неодобрительно поглядывал на задумчивое лицо пассажира, видно, ему хотелось что-то спросить у парня, да не решался старик. А честно сказать, не нравилось Лосинскому, если на борту появлялись посторонние. Он не любил, когда вокруг много людей. Он и механика с катера прогнал, потому что суетлив тот был, а с дизелем капитан справлялся и без него. Будь его воля, Иосиф Николаевич ходил бы на «пэтээске» один — сам и кэп, и механик, и матрос. Но, впрочем, без матросика все равно не обойтись: кто-то должен зачалить, отчалить, чистоту на судне поддерживать, грузить ящики... в общем, быть на подхвате. Лосинский не подвернул бы к Сатыге за этим вербованным, но утром получил по радиации приказ директора рыбозавода Матюшенкова забрать отставшего тюменского рыбака. Теперь этот парень стоял в его рубке и жадно, торопливо затягивался сигаретой. Иосиф Николаевич терпеть не мог табачного духа, но перемогал себя, соображая, что вербованный промерз на ветру и теперь обогревает нутро таким привычным

способом. Мысленно Лосинский так и определил Бориса Денискова — вербованный, и точка! Никем другим для него, давнего северянина, обского капитана, этот хмурый парень и быть не мог: подрядился на путину — значит, и есть вербованный. А звучит это слово почти ругательно. И понятие в нем лежит почти скверное. Родилось это слово давно, когда хлынул в Сибирь на заработки, на освоение новых мест всякий люд, и было среди этого пришлого народа немало человеческого мусора. Местные жители настороженно встречали приезжих, и если через некоторое время за новым человеком так и оставалась кличка «вербованный» — значит, не ужиться ему среди сибиряков.

— Повезло тебе... паря, — с солидной растяжкой произнес Лосинский, не выдержав затянувшегося молчания в рубке. — Последний нынче рейс.

— Да-а... — неопределенно ответил Денисков.

Борис в эти минуты думал о другом. В его глазах еще отплывал, удалялся, растворялся в промозглой октябрьской измороси крутой, подмытый тяжелой водой берег Сатыги. Одинокая сосна на самом краешке деревенской земли... Тонкоствольная, высокая, с молодой хвойной шевелюрой и оголившимися помертвелыми корнями, которые свисали по глинистому обрыву, словно линия сет, кинутая на просушку. Дикое, символическое несоответствие. Посмотришь вверх, опустишь взор, и защемит сердце от необъяснимых предчувствий, и сквозняком пробежит в молодой душе еще не заслуженная стариковская грусть. И деревенские дома... Дома, потемневшие не от века, а от въедливых северных дождей. Почерневшие в сентябре, они еще несколько недель будут тревожить своей незащитной сиростью, пока не ударит первый морозец и не выбелит их до звонкой зимней жизнерадостности. Там, среди этих призрачных, уплывших вдаль домиков, остался и тот, который все стоит и стоит перед глазами молодого рыбака Борьки Денискова. Лучший

дом в Сатыге. В нем работает и живет молоденькая фельдшерица Рита Кречетова. Рита не пришла на берег... А ведь из окна медпункта хорошо виден весь обрыв над Обью, и два дня на том яру терпеливо сидел или ходил грустный Борис Денисков и два дня украдкой смотрел на окна домика, ловил каждый стук его дверей. Накануне, переборов свой характер, он постучал в окошко ее жилой комнаты. Она открыла дверь, но дальше рабочего кабинета не пустила. Стояла у стола, прислонившись к белому аптечному шкафу, в белом халатике, скрестив руки на груди, напряженно-колючая, взъерошенная... Она выглядела очень воинственно, до смешного воинственно, как девчонка-школьница. Только эту воинственность и сердитую отчужденность Борис и увидел в ней в тот момент.

— Рита... — Борис вдруг почувствовал, как что-то сдвинулось в нем, как порвалась какая-то предельно натянутая нить и после дикой перегрузки наступил резкий нервный сброс, за которым пришли вялость и безнадежность равнодушия.

— Рита... Я уезжаю.

— Вижу.

— Но, может, не успею. Шуга идет.

— Успеешь.

— Вообще-то успею.

— Счастливо тебе, Боря.

— И больше...

— И больше ничего, Боря... Езжай домой, в Тюмень...

— Может, не уеду... — Борис ощутил горячий прилив крови, заволновался, шагнул к девушке, попытался развести ее стиснутые на груди руки. Она молча оттолкнула его.

— Я напишу тебе, Рита.

— Напиши, — в голосе девушки вместо недавнего напряженного звона послышались усталость и безразличие.

Так они распрощались. И она не пришла на берег. Хотя кто поручится, что она не смотрела украдкой на берег, на обский обрыв, где вышагивал с рюкзаком за плечами этот вербованный рыбак Борька Денисков.

— Последний рейс, — повторил Лосинский, требовательно посмотрев на Бориса.

Денисков передернул плечами, разом сбрасывая и двухдневный холод берегового ожидания, и колючую тяжесть сердечной смуты. Он осознал себя везучим, удачливым парнем, которого выручила оказия, который по закону высшей житейской справедливости неукоснительно перемещается в пространстве вниз по Оби, к славному городу Сургуту, откуда до родного города Тюмени всего два часа лета. Он признал и справедливость капитанской требовательности: действительно, последний рейс, идет шуга, не сегодня-завтра ударит мороз, и Обь станет, и оказии больше ждать не придется — это понимать надо, это надо ценить, что он попал на последний рейс, что Лосинский, передовой капитан, пример всем капитанам Сургутского рыбозавода, не прошел мимо одинокого вербованного рыбака Борьки Денискова, подвернул к его берегу, взял на борт...

— Да-а, — с убежденной благодарностью ответил Борис. — Вы правы, Иосиф...

— ...Николаевич.

— Вы правы, Иосиф Николаевич, мне лихо повезло. Надо же, последний рейс! А я узнал у радистов и думаю: а вдруг ночью прошел... вы бы ночью прошли и тогда...

— Мог и ночью, — удовлетворенно согласился Лосинский.

— Вот-вот, — засуетился Денисков. — Что бы я тогда, а? Э-эх... — Борис рассмеялся облегченно, представив такую безнадежную перспективу.

— Ты откуль сам-то, парень? — размягчаясь, спросил хозяин судна.

— Тюменский. Вот порыбачить нынче решил. Давно не рыбачил.

— А раньше-то промышлял этим делом?

— Да, на Севере вырос, на реке.

— Ну-у, тогда свой парень. А я, грешным делом, вербованным тебя посчитал.

— Вербованным?.. — Бориса передернуло.

— Не сердись, паря... А заработал-то много на путине?

— Сколько есть, все мои.

— Это верно, — капитан одобрительно ухмыльнулся. — Так и надо... Ты в Сургуте-то не загуляй, домой тани живехонько, к семье. В Сургуте-то проходи-имцев наперло — нет продыху. Видано ли дело, чтоб в родном месте людей страшиться... Тьфу ты, прости господи!.. А ты бы дымокурить-то кончал здесь! Согрелся, и ладно, — неожиданно рассердился Лосинский.

Борис, прикуривший очередную сигарету, искал глазами пепельницу, не обнаружил ее, выбросил сигарету в воду. Когда приоткрывал дверь рубки, в лицо и грудь стегануло пронзительной холодной сыростью. Морно подрагивал корпус самоходки, передавая крепким ногам парня живой ритм работающего двигателя, из машинного в рубку поднимались токи пахнущего ссляркой и перегретым автолом тепла. Было неправдоподобно уютно и покойно. И от широкого лица капитана тоже исходила уверенность и надежность. А за стенами рубки металась в тяжелой предзимней истерике обская вода, ветер гнал по речному разливу крутые вспененные волны, они налетали друг на друга, сшибались, мгновениями замирая на излете беспорядочными снежными застругами. У берегов уже забелел припай, и он будет шириться день ото дня, пока наконец жесткий ноябрьский мороз не схватит ночью стрежевую волну на фарватере — и тогда она застынет в действительных, настоящих застругах, потому что в последнем отчаянном сопротивлении будет рвать

смирительную рубаху, громоздить ледяные торосы друг на друга. Борис пристально вглядывался в ближний левый берег, стараясь уловить на нем приметы человеческой устроенной жизни, но береговая чернота лишь дополняла, подчеркивала туманную пустынность речного мира, усиливала ощущение сиротливости, заброшенности всей этой неприютной округи.

Лосинский время от времени врубал рычаг sireны, и нарастающий рев ввинчивался в туманное пространство. Река, еще совсем недавно перегруженная сотнями катеров, буксиров, теплоходов, барж, караванами плотов, теперь казалась вымершей. Когда сигнальный звук обессилел в безнадежном охрипшем полете, из тумана выскочила стремительная черная точка, и через две-три минуты Борис увидел слева дюралевую шлюпку, в которой на корме у мотора сидел нахохлившийся брезентовый человек. Шлюпку била наискось безжалостная волна, видно было, с каким напряжением держит человек нужный курс. Лодка пролетела мимо призрачной легкой тенью. Лосинский проводил ее неодобрительным поворотом головы.

— И че людей носит в таку непогодь! Не икра бы, дак разве пошел бы я вверх в такое время, когда вот-вот ледостав. Матюшенков говорит: сходи, мол, Иосиф Николаевич, в последний рейс... Ну-у, раз Александр Федорыч просит, надо уважить... уважить надо. А икра счас — это, паря, посадочный материал для разведения молоди, мальков всяких... — Капитан глубоко-мысленно помолчал, подчеркивая важность своей задачи. — Нерестилища натуральные-то загадили, порушили, а муксун, нельма, осетр, скажем, сами из святой водицы не родятся. Теперь, значит, искусственно разводить надо.

Борис смотрел на капитана и думал о нем. Во время путины Лосинский не раз приводил к Сатыге свою плавучую морозилку, при этом старый речник был постоянно точен в рейсах: если по рации сообщали из

рыбозавода, что ПТС-36 будет на песке через два дня к вечеру, то к этому времени и рыбу нужно было готовить для отправки в Сургут. Когда Лосинский заставлял бригаду врасплох, с незатаренным уловом, то с ходу обрушивал на рыбаков поток злой матерщины, грозился доложить о разгильдяйстве в дирекцию. Ругался капитан хоть и всерьез, на нервном пределе, но неизобретательно, скучно ругался, так что его зазубренная матерщина оскорбляла рыбаков. Другому прощались самые дикие словоизвержения только потому, что они подхлестывали, веселили душу северного речного человека. Возникала бойкая перебранка: кто кого перекроет и в голосе, и по части смысловой виртуозности. А от ругани Лосинского у мужиков скулы сводило в скучной зевоте. От него в бригадах старались поскорее избавиться. Поэтому загружали трюмы ПТС-36 быстро, без лишних слов. Встречали старого капитана без радости, провожали без сожаления. Благодарили иной раз за почту — все-таки приятно получить письмецо из дому да развернуть вечером у костра пусть трехдневной давности газету. В общем, не любили Лосинского. По всей реке не любили. Нет, за дело, конечно, уважали — потому что работу свою Иосиф Николаевич исполнял на совесть. Обский фарватер, все речные мели, перекаты, рыбацкие тони, стржевые пески, осетровые ямы, всю жизнь большой сибирской реки, характер ее крутой он знал как свой собственный. Еще и побаивались Лосинского: вредный был старик — если замечал где непорядок, докладывал потом по начальству. И как ни крути, выходило, что кругом прав он и поступает законно, ибо с недостатками и злоупотреблениями борется. Многие мужики понимали эту его правоту, но другому бы простили его принципиальность, и прощали другому, а Лосинскому — нет. Лосинскому не прощали его беспощадность. В конторе рыбозавода уважали капитана за дотошность, пунктуальность, исполнительность. У начальства он слыл

постоянным передовиком. Его портрет годами висел на доске Почета у заводской проходной. Когда обновляли доску, Иосиф Николаевич приносил из ателье новый свой портрет. Но с некоторых пор лицо речника на портретах перестало отражать возрастные перемены, и трудно было теперь определить, сколько же лет этому человеку.

«А действительно, сколько же ему лет?» — думал Борис Денисков, пристально разглядывая капитана. От мужиков в бригаде он слышал, что ему вышла уж пенсия и в северном летосчислении, и в обычном, как на Большой земле, но он все не хочет уходить от штурвала, не может, видно, оторвать себя от жизни на большой сибирской дороге, уйти из рыбацкого обского мира. Старый капитан вовсе не выглядел стариком. Лосинский стоял за штурвалом, раскорячив крепкие ноги. Дай сейчас девятибалльный шторм, какой случается в Обской губе на выходе в Карское море, — эти ноги, все это большое тяжелое тело не дрогнут, не завихляют по палубе, а будут уверенно и толково делать нужное дело. Широкомордый, набычившийся, капитан удивлял свежим цветом лица. Лишь задубленность кожи на скулах, наждачная ветровая пористость щек да голубоватая размытость некогда пронзительных синих глаз выдавали возраст северянина.

II

Поздно вечером подошли к какой-то деревушке. Луч прожектора с рубки самоходки поймал обжитой левый берег, скользнул по его высокому крутому яру, высветил деревянную лестницу, идущую вверх от полузатопленной баржи, служащей пристанью. Матросик Санька Сырпин ловко спрыгнул на палубу баржи, зачалил конец. Дизель самоходки зарокотал, забормотал успокоенно и добродушно, словно понимая, что на сегодня его трудная работа окончена.

— Здесь будем ночевать, — сообщил Лосинский. — Теперь и уху можно сварганить.

Борис от его слов сразу почувствовал неистовый голод, железы под нижней челюстью свела жестокая судорога, и в пустом пересохшем желудке начались спазмы: фактически двое суток он не ел ничего горячего. Но до ухи оказалось еще далеко. Капитан беспокойно топтался на палубе среди ящиков, пристально всматриваясь в темноту, поджидая кого-то. Наконец он пробасил раздраженно:

— Санька, есть там кто?

— Никого, Иосиф Николаевич, — откуда-то сверху донесся мальчишеский голос.

— Эт-то что еще за номера! — рявкнул Лосинский. — Должны быть.

— Должны, да не обязаны... — матросик, упрятанный темнотой, рассмеялся.

— В путину и ночь — рабочий день, — пробурчал капитан и грузно слез на пристань.

Борис тоже прыгнул на баржу, чуть не соскользнул в воду по растоптанной рыбной требухе.

— Тут не шибко прыгай-то, — ворчливо заметил капитан. — Тут всегда свинарник у Еременко. Самый лоботряс и паршивый приемщик. Сколько разов докладывал начальству про это дело, тьфу!..

Баржа испаряла такой застаревший дух гнили и рыбной грязи, что хоть ноздри зажимай. Денисков вспомнил своего второго бригадира Тверитина, помещанного на чистоте и порядке: «Кондратий этого приемщика живо бы мордой в такое дерьмо натыкал».

— Придется в гору лезть, — вздохнул Лосинский. — Мне бы наплевать, рыбы у них кот наплакал, а вот икра... Пойдешь со мной?

— Куда это?

— Лаборантка здесь, Верка Расторгуева, с икрой должна быть. Предупредить надо, чтоб к утру свое хозяйство собрала.

На горе Лосинский шумно отдышался, потом уверенно двинул в ночь, коротко бросив через плечо:

— За мной ступай. В сторону не бери, болото тут.

Борис так и сделал, шел за старым речником след в след. Под ногами чавкало, сапоги то и дело разъезжались по желобу выбитой тропы, скользили на выпиравших обнаженных корнях хилых болотных сосенок. В пошваре* показалось даже тепло. Остро пахло багульником, раздавленной спелой клюквой, подмерзшими груздями. Шагалось легко и упруго. Борис подумал, что вот так можно идти и идти всю ночь, не ведая усталости. Когда они удалились от реки с ее стойким туманным пологом, оказалось, что над головой есть небо со всеми положенными для здешних широт звездами и созвездиями. И правила в небе, зависнув над ковшем Большой Медведицы, мерцающая Полярная. Главная северная звезда сигналила о грядущей зиме.

Впереди мелькнула звездочка у самой земли, вторая... — под ногами пошла материковая твердь, и Лосинский с Денисовым вышли к деревушке. По освещенным оконцам Борис насчитал девять домишек, прибавь к этому магазинчик, конторку рыбучастка, склад с ледником — вот и все поселение.

— Еременко, кажись, в третьем доме живет, — сказал Лосинский. — Ишь... все три окна горят. Должно, гулеванит, стервец.

Постукивал движок электростанции, несколько собак приветствовали чужих ленивым брехом. Еще в сенях указанного капитаном дома Борис услышал грохот и злые голоса. Лосинский замешкался и протолкнул его вперед. Денисов нашарил дверную скобу... В тот миг, как он ступил через порог, о деревянный косяк над его головой с грохотом разбилась тарелка, засыпав вошедшего осколками и остатками еды. Борис

* Пошвар — болото, поросшее хилой сосной.

вздрыгнул от неожиданности, но не пригнулся, застыл на месте. Посреди избы стояла баба в мятой ночной сорочке, с растрепанными волосами, босая, вокруг нее валялись черепки перебитой посуды, в левой руке она сжимала граненый стакан, судьба которого была тоже предрешена. Глаза у бабы щурились в злой истоме, полные губы съехались в злорадной ухмылке. На койке в глубине просторной, почти пустой избы лежал коротенький широкий мужичок и жизнерадостно хохотал:

— Давай, давай, Верка, хо-хо-хо... Бей, ломай, круши...

Из-за спины Денискова выступил Лосинский, и хохот на кровати смолк.

— Гуляешь, Ерема! — стылым басом произнес капитан.

Приемщик Еременко вскочил с кровати, сунул ноги в валенки и, сразу отрезвев, степенно двинулся навстречу гостям.

— Да вон Верка, хм, разбушевалась опять... — виновато ответил он. — Как напьется, так сладу с ней нет.

Капитан угнездился на лавке за столом, строго спросил:

— Так что у тебя, Ерема, осталось на плашкоуте-то?

Приемщик, закулив «беломорину», сощурил левый глаз, поцарапал заросший подбородок, ответил с неуверенной растяжкой:

— Дак рыбки-то, кажись, немного. Ящиков двадцать будет. Доброй-то, почитай, и вовсе нет, налим да язь.

— Ну-у, добру-то себе приберег...

— Дак и приберег на зиму, кому какое дело. Максимчиков там, нельмушек, конечно... Может, арестовать запасец-то мой смекаешь, хе-хе... Дак это я сам добыл. Са-ам. Са-амолично. Да и прав у тебя никаких на то нет. Ты, Еся, колесо свое знай крути.

— Ладно, баламут. Не про тебя забота. Верка, ей?.. Что у тебя с икрой-то?

Женщина, покачиваясь, подошла к столу, над табуреткой как-то сразу сломалась, почти рухнула на сиденье.

— Ну так что? — сердито повторил Лосинский. — Где икра-то?

— А ч-черт ее знат... — женщина вяло махнула непослушной рукой.

Капитан даже подскочил от возмущения.

— Ты это мне брось, Расторгуева! — закричал он. — Да за такое отношение... Да за это дело под суд... в тюрьму!

— А-а, пускай, — баба отмахнулась от Лосинского.

Капитан схватил ее за воротник халата, дернул с нерассчитанной силой — посыпались пуговицы. Сбоку захохотал Еременко, с искренним восхищением наблюдавший драматическую сцену в своей избе. Борису тоже стало смешно: уж очень беспомощным был гнев капитана.

Еременко примирительно сказал:

— Ты, Лосинский, на бабу-то не наскакивай петухом. Че с нее возьмешь... А икра там... молока... ну, все это у ей в порядке, в бидонах на льде стоит, тебл дожидается. Мы тут, едрена-феня, подгуляли с устатку, дак ведь и не грех теперь, путина-то кончилась...

Назавтра, чуть только забрезжил рассвет и туман клочковатыми дымами начал отрываться от успокоенной, перебесившейся за ночь воды, на плашкоут явилась лаборантка с большим бидоном; за ней еще три бидона тащили Еременко и два деревенских мужика. Борис пригляделся к женщине: отоспавшись, прибрав себя, Вера Расторгуева выглядела очень даже привлекательно; если б не хмурый виноватый взгляд заробевших коричневых глаз, ее можно было бы назвать

даже красивой женщиной. Но это уже потом. А до рассвета еще был вечер в капитанском кубрике и бессонная ночь.

Оставив задремавшего приемщика за столом, Лосинский и Денисков вернулись на свой транспорт. Из жестяной трубы камбуза выбрасывалось в ночную темень искристое пламя, Борис живо представил тарелку с дымящейся наваристой ухой... В закутке у печурки сидел Санька-матросик и лениво жевал потухшую папиросу.

— Что, паря, уху не заварил еще? — осведомился капитан.

— Вам ведь все одно не угодишь. Сами варите, — буркнул парень.

— Эт-то верно. Чтобы настоящую уху сварганить, мозга нужна и понятие, — поучительно изрек капитан и отправился на палубу.

Денисков безвольно поплелся за ним, проклиная такое гостеприимство. «Ему что, — тупо свербило в голове, — у него вон жирок какой, морда так и лоснится». Капитан извлек из трюма ящик с рыбой.

— Тут я специально прибрал такого налимчика да языка, пальчики оближешь, — добродушно бормотал он.

В объемистой кастрюле Лосинский сначала отварили три больших налимьих куска и голову, вытащил эту рыбу в большую чашку, потом в тот же бульон заложил лопатистого язя. Одновременно доходила на пару картошка в мундире. Наконец стол был накрыт, и капитан пригласил Денискова и матроса на ужин. Парнишка отказался: он уже поел всухомятку, попил чаю. Матросик ушел в свой закуток. Некоторое время они молча, обжигаясь и посапывая, хлебали густую терпкую ушицу, потом принялись за рыбу, приправляя ее картошкой и крупно порезанным ядреным луком.

С завидным аппетитом они опустошили обе кастрюли. Отвалившись от стола, Лосинский крякнул

шумно, погладил большой живот, удовлетворенно подвел итог:

— Сла-авно отужинали, паря.

Он прикрыл ослотившие глаза, посидел в молчании, потом продолжал:

— Вот говорят, дары моря... дары реки... А ты попробуй, возьми эти дары. Пока жилы не потянешь да руки в мозоль не изотрешь, никто те ничего не подарит.

Денисков закурил. От сытости и сигареты его закружило в благодной истоме, стало жарко. Он растянулся рубаху, благодушно улыбался, слушая назидательный бас старого речника...

Лосинский наконец утомился, стал укладываться на ночлег. Денискову указал на топчан по левому борту кубрика, щелкнул выключателем. Он повернулся еще, стараясь устроиться поудобней, и тотчас засопел неожиданно тихонько и кротко. На катере стало непривычно тихо. Лишь сквозь стекла иллюминаторов проникал вкрадчивый шорох успокоенной забортной воды.

Борис чувствовал, что не сможет сейчас заснуть, и не пытался даже принудить себя. Мыслями он снова вернулся в деревеньку Сатыгу, и три прожитых в ней месяца стали приобретать в его воспоминаниях новый, значительный смысл.

III

В начале последней июльской недели они с Александром Валовым высадились на берег Сатыги. Бригадиру эта деревенька была известна до последней кочки на дороге вдоль единственного ряда домов. Впрочем, вся округа по Оби верст на двести была хорошо знакома коренному северянину, потомственному рыбаку и охотнику. А Денисков попал в эти места впервые, хотя тоже родом был с Тюменского Севера, вырос на Тоболе близ его впадения в Иртыш, уж потом перебрался в об-

ластной центр. И вот теперь он завербовался в Сургутский рыбозавод на путину — захотелось поработать в полную силушку на речном просторе. По памяти юности он знал, что это такое — рыбацкая страда, потому на легкие деньги не рассчитывал. В рыбозаводе его зачислили в бригаду Валова. Кадровик объяснил, что у Валова нынче одна молодежь, скучно не будет, да и некогда будет скучать. Добирался до Сатыги на попутных, последний отрезок пути — уже в бригадирской шлюпке. И вот он ступил на сатыгинскую землю. Взобрался вслед за Александром на глинистое крутоярье, увидел ряд старых домиков и не сдержал иронического восхищения, свистнул протяжно:

— И это вся деревня... все наше?!

— Тут все и есть. Будешь квартиру искать или в бригадном сарае поместишься?..

— Э-эх, молодуху бы подыскать...

— Так нет молодух, — рассмеялся Валов. — Одни бабки... продавщица разве что.

— Тогда с бригадой.

В тот же день Борис познакомился со всеми. В бригаде было девять человек, тюменец десятый, ждали одиннадцатого — он должен был пригнать водомет. Без водомета рыбаки не могли неводить: попробуй управиться с многопудовым километровым неводищем на лодочной тяге! Пока бригадный невод лежал мертвой вылинявшей на горячем солнце копной. Промышляли помаленьку ставными неводами, рыбка шла потихоньку, но не та... До настоящей работы мужики скучали, резались в карты, гоняли наперегонки на шлюпках (местные рыбаки приехали на своих моторах).

Бригадир понравился Денискову, еще когда они столкнулись на берегу в Колосове, где размещалась контора первого участка Сургутского рыбозавода. невысокий, он не производил впечатления приземистого человека — потому что был сухощав, жилист, легок в

движениях, он и ходил так пружинисто, словно выростал вверх... Умные коричневые глаза, чистое лицо с нечастой грустноватой улыбкой и множество других маленьких приметин говорили о воле доброй, характере прямом и разуме ясном. Валу было сорок лет. Остальным рыбакам в основном по тридцать — тридцать пять. Один был из Сургута, другой тобольский, двое приехали на быстрый заработок с хлебных мест, с ишимских степей, — эти держались особняком. Внимание Бориса привлек Семен Грачев. Рука у парня была железная, лицо открытое, взгляд цепкий, длинный неглубокий шрам на левой щеке придавал его широкой улыбке значение устойчивой иронии.

Первые дни в рыбацком стане прошли однообразно. Работы фактически не было. Водомет заторчал где-то в чужих водах. Борис воспользовался свободой и по всем правилам истого горожанина принялся загорать. Мужики смеялись над ним:

— Брось, Борис, дурака валять. На воде еще так поджаришься, что за зиму копать не отпаришь!

Денисков несколько раз обошел Сатыгу в поисках какого-нибудь разнообразия, перезнакомился с местными жителями, о рыбалке, грибных и ягодных местах поговорил, в магазине потолкался. Продавщица, женщина лет сорока, протянула ему руку через прилавок:

— Тося... Маркушина.

Борис удивился такой непосредственности (еще не приходилось знакомиться с продавщицами через прилавок), неуверенно подержал теплую лодочку женской ладошки, назвал ее и сам.

— Ты, вижу, городской...

— Из Тюмени.

— На заработки?

— Как сказать. Но деньги нужны, конечно.

— На свадьбу?

— А деньги только на свадьбу нужны?.. — он рассмехался.

- Можно и без денег пожениться.
- Дурацкое дело нехитрое.
- Ну, пока тогда, — Тося улыбнулась. — А то заходи, если скучно станет. Я девка добрая...

Выходя из магазина, Борис шутливо отвечал на приглашение продавщицы:

— Может, и приду, — и перехватил удивленный взгляд поднимающегося на крыльцо Семена Грачева.

— Что, парень, проверяешь местные кадры?..

— Да вот, забрел посмотреть, что тут есть интересного.

— И что нашел?

— Да ничего особенного. Пряники, тряпки допотопные, ведра да водка.

— А Тоська?..

— Баба обыкновенная. Ничего особенного...

— Ну-у, коли так, ладно, — недоверчиво процедил Грачев. — А то...

Денисков заметил в его глазах недоброе отчуждение, понял смысл затейного разговора. Понял и сразу напряжился, инстинктивно не принимая снисходительно-угрожающий тон Грачева.

— Во-он как... — протянул он скорее по инерции, чем из желания ссоры. — Ну а если?.. Что же будет?

— Это ты о чем? — Грачев разыграл удивление.

— А ты о чем? — Денисков поддержал игру.

— Ха-ха-ха... ну, ты арти-ист... — Грачев рассмеялся, неожиданно искренне хлопнул Бориса по плечу. — Замнем для ясности, кореш!

— Кто бы спорил, а я никогда, — согласился Денисков.

На третий день пришел водомет. Валов провел короткое собрание: объявил путину открытой, зачитал список бригады, распределил обязанности, обнародовал расценки и так далее. Но, как понял Денисков, смысл собрания сводился к одному, и самому главному: на реке нужна железная дисциплина, и он, брига-

дир Валов, объявляет в Сатыге сухой закон, ибо, где пьянка, там нет порядка.

— А ежели у кого именины? — недоверчиво спросил один из местных рыбаков.

— У тебя, Петро, день рождения в январе.

— Вдруг прохватит кого, простуда там или что другое...

— Скоро фельдшера пришлют в Сатыгу. По рации обещали.

— Ну а если Тоська втихаря... по знакомству...

— Сегодня заактирую все наличие спиртного. Каждую неделю буду проверять самолично. Маркушина меня знает. Чуть что — наплачется!

— А местным как быть?

— Только по моим распоряжениям.

Денисков с любопытством слушал перепалку. Конечно, по закону бригадир не властен над торговлей, но по неписаным правилам Севера на время путины он здесь и царь, и бог, и судия — потому что в осенние месяцы вся жизнь северных поселков концентрируется на реке, у реки, на берегу. Встают с рассветом, валяются в постели с закатом. Говорят только о рыбе и погоде. На небо смотрят почти молитвенными взорами: не дождя боятся — рыбак и в самое ведро мокрый с ног до головы — от ветра штормового заклинают, потому что тогда не выйти на Обь, пропадут попусту бесценные дни, уйдет большая рыба, сгорит план и заработок... У рыбака, как и у хлебороба, порой один день год кормит. Идет путина!

В сумраке сарая Борис посмотрел на светящийся циферблат своих морских офицерских часов (предмет его натуральной гордости и тихой зависти друзей) — стрелки показывали двадцать минут четвертого. Зная, что больше не уснуть, чувствуя в голове ясную бодрость, а в теле напряженную упругость и легкость, он осторожно, чтобы не разбудить товарищей, слез с широких нар, без скрипа отворил дверь ветхого строе-

ния. На улице он дал волю просящейся наружу энергии: подпрыгнул, с ходу встал на руки, сделал так несколько шагов, перевернулся, шумно вздохнул несколько раз во всю мощь молодых легких и пошел к береговой круче, к той заводи, где можно было без опаски бросаться вниз головой в глубину вод. На берегу Оби он замер, остановленный необычным ощущением, пораженный удивительной тишиной предутреннего мира, когда ни одна хвоинка на ближней сосне, ни стрелка осоки у кромки воды не дрогнут от легчайшего дуновения. Казалось, звучал, источая серебристое свечение, сам воздух зарождающегося дня. Он сначала увидел это сумеречное предутреннее мерцание, а потом вдруг ощутил его вибрирующее звучание в себе самом, как будто что-то резонировало в нем, настроившись на волну этой трепетной музыки нового дня, восходящего к трудам и радостям человеческой жизни. И пришла светлая грусть. И может быть, впервые Борис осознал, что вот начинается несказанное новое, чего не было при нем и в нем самом раньше. Предчувствие грядущих перемен охватило его.

Борис осторожно сел на краешек обрыва и закурил, вглядываясь в дальний обский берег. Потом он опрокинулся на спину и вполголоса произнес удивленно и вопросительно:

— Божественно... как во сне...

Под обрывом послышалась шумная возня. Запаленно переводя дыхание, кто-то карабкался наверх. Борис думал, что все в бригаде еще спят, а тут кого-то черт несет уже из воды. Но шевелиться не хотелось, не велика важность, водяной и сам скоро объявится.

— А-а... это ты, Борис? — раздалось над лежащим парнем. — Что в такую рань?.. Не спится?

Справедливо не ожидая ответа на свой дурацкий вопрос, Александр Валов опустил рядом на холодно-ватую от росы траву. Но Борису, напротив, захотелось обстоятельно ответить на вопрос бригадира, расска-

зять о своих ощущениях и предчувствиях и спросить потом в тихой дружеской надежде: а ты, мол, как думаешь, что это значит, а?.. Но он удержал откровения, рассмеявшись вслух такому желанию. Александр взял из пачки Денискова сигарету, прикурил.

— Ты вообще-то когда рыбачил? — деловито осведомился он.

— Ну-у, так себе... Неводил пацаном с мужиками, сети ставить умею.

— Ладно. Будешь при мне помощником.

— Как прикажешь.

— Парень ты не егозистый, соображать можешь. Да, при мне будешь.

Бригадир прищурился на восток — первый солнечный лучик ударил в его коричневые крапчатые глаза, отразился латунным блеском.

Так начиналась путина.

В четыре вся бригада была на берегу. Мужики курили, перебрасываясь бесхитростными репликами, безобидно подтрунивали друг над другом, стараясь за обыденностью взаимоотношений спрятать естественное в такой момент волнение. Но оно прорывалось в блеске тревожных взглядов, в блуждающих улыбках, оно сквозило от лица к лицу, от сердца к сердцу.

Моторист водомета Николай Соловьев закрепил на корме буксирный канат, глянул остро в глаза Валова, словно понукая его...

— Давай, с богом... — хрипло выдохнул бригадир.

Мотор водомета взревел, оглашая округу трубным гласом, потом застучал в ладном ритме, две мощные водяные струи ударили в береговой песок, вымывая судно из кремнистой вязкости... Катерок отчалил, ловко развернулся почти на месте, работая левым бортовым и правым кормовым соплом, нацелился наискось по течению и осторожно начал выводить, выматывать за собой на буксире многопудовую тысячеметровой длины снасть.

Бригадир в это время находился у носилок, на которых громоздился тщательно разобранный и уложенный поплавок к поплавку, кибас за кибасом, выбеленный водами и солнцем невод. Бригадир следил, чтобы полотно невода сматывалось без узлов, захлестов и мешков... Денисков стоял в воде, подтянув до пояса голенища бродней. Он придерживал верхнюю тетиву невода, время от времени встряхивая его, чтобы ладно и ритмично ускользали в глубину полавки, мережа, грузила. На некотором отдалении от берега, на глубине, полавки всплывали, обозначив маршрут ячеистой, ползущей через всю толщу воды стенки. Придерживая пока еще сухой плетеный канат верхней тетивы, быстро перебирая пальцами от полавка к поплавку, Борис чувствовал упругую силу выгребавшего на стрежень водомета, и стоило ему лишь на миг задержаться, как эта сила рванула его за собой. Заметив, что помощник бросил веревку, Валов энергично погрозил кулаком. Соловьев, ведя свое суденышко, висел над самой кромкой борта и, высунувшись из ходовой рубки, следил за сигналами бригадира. Он заметил жест Валова и сбросил обороты двигателя.

В нескольких сотнях метров от берега маленький трудяга катер наконец вышел на стрежень и начал плавно забирать влево, против течения, стал натужно карабкаться вверх... Через некоторое время по сигналу бригадира водомет повернул к берегу, отсекая ячеистым полотном у реки большую акваторию. Носилки к тому времени уже опустели, весь невод вымотался в реку. Не доходя до берега сотню метров, водомет вывернул носом на течение и наискось, к берегу, пошел вниз... Когда судно делало этот маневр, крыло невода, обозначенное красными полавками, закрывая ловушку, надвинулось почти на самый береговой песок напряженной дугообразной стеной. Бригадир, хоть Соловьев не мог видеть его одобрения, удовлетворенно покивал головой в сторону катера, благодаря за чисто

проведенный маневр, от которого в значительной мере зависело рыбацкое счастье. А водомет уже тянул плавающую цепь. С яростным завыванием перегруженного мотора, окутавшись сизым дымом и кипящими бурунами вспененной волны, это маленькое, на редкость работающее суденышко карабкалось по мелководью к тому месту, откуда начинало свой маршрут, где стоял в нетерпеливом ожидании Александр Валов. Водомет еще не успел набежать плоским днищем на отлогий береговой песок, а бригадир и остальные рыбаки проворно ухватились за мокрый канат, перебросили его через плечи и, пригибаясь под влекущей тяжестью, с уханьем, по-бурлацки потянули от реки.

Когда на еще чистый, девственный песок упали первые метры заиленной сети, а потом забились, теряя серебро чешуи, первые рыбины, мужики замерли на миг, переводя дух: главное пока было сделано, можно было теперь работать без запарки, спокойно, потому что вся рыба, какая тут есть, уж никуда не уйдет от них. Другой вопрос: какая рыба?.. Большая или так себе. Может, не стоит она проделанных и предстоящих усилий. Все покажет мотня, а пока надо вытягивать метр за метром крылья набухшего невода. Но уже радуется глаз и сердце рыбака то серебряное и живое, что густо заселило ячеистое полотно: сначала пошла прибрежная чебачья и окуневая мелюзга, потом шурогайки, щуки, язи. Вот заметалась в обманчиво свободной воде какая-то большая рыбина, бросилась к правому крылу невода. Сразу раздалось несколько азартных голосов:

- Эй, подымай выше!
- Че рот разинул!
- Держи ее!

Денисков понял, что эти крики относятся к нему; в последний момент, когда живая торпеда бросилась вперед, он рванул мережу на грудь — большущая рыбина, блеснув в воздухе влажноспинной чернотой,

увязла, затрепыхалась в сети. Подбежал Валов, забрел в воду, осторожно выпутал бьющееся речное существо, ухватил под жабры и за хвост и на согнутом локте понес на берег. Рыбаки забормотали в удивлении:

— Неужто нельмушка?..

— Ха-а, нельмушка!.. Чуть невод не протаранила.

— Да рано ей быть еще.

— От скуки забрела...

— Себя показать и на тебя посмотреть.

Большую нельму — счастливую примету начавшейся путины — Александр положил отдельно в пластмассовое корыто, предварительно набрав в него воды — царской рыбе предстояло быть жертвенным телом в рыбацком котле.

Наконец показалась мотня. На последнем десятке метров мережи вода между крыльями невода закипела под ударами сотен упругих, мечущихся в поисках свободы рыбьих тел. Мелкоячеистый мешок мотни длиной в добрых две сажени тяжело подтягивался к берегу, густо забитый рыбой. Несколько мужиков забрели в воду, ухватились за края мотни, стряхнули с них верхнюю рыбу, приподняли в растяжку — теперь можно было черпать живое серебро сачками, а то и прямо корытообразными носилками.

Александр наметанным глазом удовлетворенно прикинул, что в первой тоне центнеров десять-двенадцать будет, но вот ценной рыбешки пока мало, впрочем, еще рано для нее: сырок пойдет позже, добрый муксун в сентябре, а нельма и осетр под занавес путины.

Рыбаки еще добирали из кошеля свою первую добычу, а Валов с Денисковым уже хлопотали у костра рядом с бригадным сарайчиком. В большой кипящий котел Александр бросил сперва десятка три окуней. Как только глаза у рыбешек побелели, велел Борису вычерпать окунишек до единого, взамен побросал туда поротых шурогаек.

— Щуку надо пороть, потому что заглотыши в ней, — скорее для себя сказал Валов, вздохнул и еще сообщил: — Вообще-то для настоящей тройной сперва ерш нужен.

— Да-а... — поддержал Борис бригадирское сожаление.

— Что ты понимаешь! Да-а... — обиделся Александр. — Без ерша уха не уха.

— А я что говорю?! — обиделся и Денисков.

— Ну ладно-ладно, ха... Вот куда ерш подевался?.. Те года от него продыху не знали, так из мережи и не выбирали, когда неводили. Ну, на зиму, известное дело, несколько мешков наморозишь его, для уха. Уха-а из ерша, я те дам! С охотки иной раз так похлебаешь... — бригадир прищелкнул языком.

Вычерпали из котла и сомлевших шурогаек. Эту рыбешку отложили в отдельную чашку, на любителей. Теперь Александр торжественно заложил в ушницу большие ломти нельмы. Ко времени этой церемонии уже вся бригада собралась у костра, и десять пар непохожих глаз в единодушном, роднящем предвкушении следили за короткопалыми сильными руками старшего. Осталось заправить варево луком, перцем, лавровым листом. Тройная уха, благоухая немислимыми ароматами, засветилась золотой густотой в алюминиевых рыбацких чашках.

В тот день сделали еще одну тоню. Непривычный к такой работе, Борис вечером кое-как дотащился до сарая и бросился на свой матрац, отказавшись от ужина. И потянулись потом дни, похожие друг на друга тупой напряженностью всех ноющих мышц. Денисков механически вставал на рассвете, автоматически делал что прикажут, обедал и ужинал, подчиняясь инстинкту желудка, но все это как-то без души, бессознательно. Мозг его старательно исполнял лишь одну функцию — управлял движениями работающего тела. Так прошло две недели.

А потом Борис ожил, прозрел, обострились его слух и обоняние, он снова стал воспринимать окружающий мир и себя начал ощущать в этом мире, на его обском немеренном просторе, значительной живой фигурой. Борис понял, что организм его втянулся в ритм тяжелой работы. Теперь и работалось ему легко, в охотку, а главное, исчезло чувство беспомощности. Он видел одобрительную поддержку товарищей и задним числом понял, как терпеливо несли они на своих плечах ту часть труда, которую он должен был, но не мог сперва вносить в бригадный котел. Прошло несколько дней, и Борис сделал еще одно маленькое, но важное для себя открытие: бригадир теперь держал его рядом не из опекунских соображений, а уже чувствуя постоянную необходимость в нем.

— Ты, брат, растешь не по дням, а по часам, — шутил Валов. — Ты, Борис, прирожденный рыбак. Не усеку никак, что тебе в Тюмени делать-то!

Наконец пошла по Оби ценная рыба. Повалил в сети и невода сырок. Потянулись вниз к рыбозаводам плашкоуты и самоходки с муксуном, которого здесь ласково именуют максимчиком. Обский царь осетр, отжировав в верхних заливах и урайчиках, покатился вниз, к губе, оставляя часть своего несчитанного косяка в сетях, неводах, ловушках... Задымили поселковые и рыбозаводские коптильни. Невидимая жизнь развернулась на великой реке и по ночам: приглушенный рокоток моторов, осторожный стук уключин — потом вдруг бешеный рев «Вихрей» и рыбнадзорских глиссеров, эхо выстрелов...

Валов всегда-то был удачлив в работе, а нынче и вовсе его бригада показывала высший класс: в день уже делали по три-четыре тони — успевай принимать рыбу. На Сатыгинский песок по очереди ходили две «пэтээски», до отказа набивая холодильные трюмы ящиками с ценной рыбой. В Сатыгу из парткома рыбозавода привезли переходящий вымпел.

Борис Денисков полностью отдал себя этой речной жизни, бригаде, находя в нехитрых, но ясных интересах рыбацкого коллектива свое место.

Денисков почти не замечал, чем живут его товарищи, что происходит в бригаде и рядом, в забытой богом деревушке. А когда окреп физически, то на радостях воспринимал все в радужном свете: мужики и парни казались ему сплошь добродушными, деревенька романтической, работа прекрасной. И Сенька Грачев даже после того недосказанного у магазина тоже оставался в его глазах симпатичным парнем.

В горячке работы Денисков недели три не отлучался из рыбацкого стана в Сатыгу. Да и нечего там было делать: единственная нужда — сигареты — не беспокоила его, из дома взял с собой несколько блоков «Опала». Зато Семен Грачев уходил туда каждый вечер, порой и не отужинав, возвращался с рассветом. Однажды и Борис отправился в деревню сразу после второй тони, наскоро проглотив обед: накануне он сломал расческу.

В магазине стояла сыроватая прохлада, после пронзительной обской свежести сложные запахи дешевой парфюмерии, селедки, хозяйственного мыла и мышей раздражали, гнали за дверь, на улицу. Денисков так и хотел — поскорей купить расческу и вернуться на берег.

— А расчесок не-ет... — вызывающе-лениво пропела Маркушина.

— Почему это нет?.. — Борис поперхнулся от бессмысленности своего вопроса.

— Ну-у, может, где и завалялась... — вздохнула Тося, — дома. Подарить могу.

— Да я заплачу! — рассердился Денисков.

Женщина рассмеялась. Парень смутился, внима-

тельно посмотрел в чуть раскосые глаза, машинально подумав о татарской крови.

— А лучше я тебе, Боря, свою гребенку подарю, а?..

— Вот еще, — усмехнулся Денисков. — Так когда за расческой прийти?

— Сеньки-то не боишься? — жизнерадостно вскинулась продавщица.

Борис и забыл в этом разговоре о Грачеве. «Правда, — подумал он, — Семен, значит, к ней шастает по ночам».

— Надоел он мне как горькая редька, — не получив ответа, неожиданно грубо бросила Маркушина.

— Что так? — без прежней игривости спросил Денисков.

— Ему не баба нужна, а водка...

«Вот оно что, — подумал снова Денисков, — а то от Грачева перегаром несет. И морда по утрам мятая, черная...» Борис разозлился на себя: дернул черт тары-бары разводить! Он решительно взялся за дверную скобу.

На улице, как и в прошлый раз, Денисков столкнулся с Грачевым. Не сказав ни слова, Семен мрачно прошел в магазин.

Минут через двадцать повеселевший, усмехающийся Грачев спустился к песку и на виду у всей бригады протянул Борису маленький сверточек:

— Вот тебе от Тоськи подарок, — с ехидцей сказал он.

Денисков развернул бумагу, увидел новенькую редькозубую расческу — как раз такая и нужна была для его загустевшей шевелюры. Борис внимательно посмотрел на Семена:

— Подарок?.. Ну что ж, — сунул расческу в карман. — А при чем здесь ты?

Грачев нагло прищурился.

— Это чтоб ты не отрывался от высокой произво-

дительности труда, не таскался зря в магазин, — ерничая, произнес он.

— И чтоб я вообще забыл туда дорогу? — в тон продолжил Денисков.

— Смотри-ка! Вумный, как вутка, только вотруби не ест!

Борису стало скучно, он миролюбиво потянул Семена за рукав, отвел в сторону, посоветовал вполголоса:

— Ты, Сема, если опохмелился, так и веди себя смирно. Бригадир заметит, пощады не жди.

Но бригадир давно все замечал. Дня через два, когда Грачев опять явился из Сатыги, Валов мрачно осмотрел его мятую фигуру и, обращаясь к остальным рыбакам, сказал:

— Ну, по местам, мужики. А ты, Семен... — бригадир колебался, еще раз оценивающе глянул на парня, — а ты ступай отсыпайся. Все равно из тебя не работник.

Бригадир вынул записную книжку, что-то пометил в ней и, словно забыв о несущественном, широко пошажал к носилкам с неводом. Оторопевший было Грачев в три прыжка догнал его, схватил за плечо:

— Это как... — задыхаясь, крикнул он, — прогул, что ли? За что?

Валов, не останавливаясь, бросил холодно:

— Натуральный прогул! Хватит с похмелюги сачка давить!

— Так я...

— Не бросишь это дело, выгоним. А с Тоськой тоже разговор будет... Я ее с участка выставлю, — последнее Александр добавил с такой равнодушной уверенностью, что Грачев сразу сник и безвольно потащился в гору.

В тот день пошел большой муксун. С первой же то-ни бригада взяла центнеров двадцать почти одной цен-ной рыбы. Всех охватила горячая лихорадка. Люди ра-

ботали как заведенные, но с вдохновенным блеском глаз, с блуждающими улыбками на загрубевших лицах. По молчаливому согласию обедать не стали. И все равно успели сделать лишь три тони, потому что много времени уходило на разгрузку непомерно брюхатой мотни, неводного кошеля. Ледник к вечеру до отказа забили муксуном. И когда в сумерках у костра мужики наслаждались горячим варевом, Александр думал только об одном: если ночью не придет «пэтээска» или плашкоут, завтра неводить не придется, бессмысленно брать у реки драгоценную рыбу, чтоб потом проквасить ее на солнце. Утром Валува сообщили по радиации, что к вечеру надо ждать Иосифа Лосинского. Но вот уж вечер, а самоходной морозилки все нет. Александр поделился с Денисовым своей заботой:

— Обидно, — он ударил кулаком по колену, — в такое время целый день пропадет! Где этот старый хрен Лосинский?

Борис разделял обиду и заботу бригадира, но одна мысль не давала ему покоя. «Странно, — думал он, — Семена с утра не видно, а о нем словно все забыли, будто и не было парня в бригаде...» Он поднялся и побрел от костра к деревне, где приветливо светились окошки обжитых уютных изб. Ему вдруг остро захотелось оказаться в одной из них, у горячей печки, за столом, рядом с отзывчивой женщиной.

Кусты слева затрещали, метнулась размытая сумраком человеческая фигура, и на тропе возник перед Борисом — легок на помине! — Семен Грачев. Денисов сразу понял: ничего хорошего появление этого парня ему не сулит. Он выжидательно остановился, спросил нейтрально:

— Ты, Семен?.. А я как раз думал, не случилось ли чего с тобой...

— А что может случиться с Семкой Грачевым! — раздался хриплый голос.

— Ну мало ли что...

— Это с некоторыми другими... паскудами сейчас кое-что... — Голос пьяного человека сорвался на злой шепот.

Грачев угрожающе набылчился.

— Ты-ы, п-падла тюменская, башлыку настучал на меня?!

— Мне это ни к чему, — Борис еще надеялся избежать драки. — Стукачом никогда не был.

— Сначала к бабе моей... потом к башлыку... Сволочуга...

Грачев рванул рубаху на груди, отшвырнул ее ключья в сторону, стремительно бросился на Денискова. Борис все же не был готов к нападению — и сильный удар в живот отбросил его назад, он споткнулся о корневище на тропе и упал. Секундой спустя на него навалилась тяжелая туша противника. Бориса опалило горячим водочным перегаром и противным запахом липкого похмельного пота, жесткие пальцы поползли к его шее. Отшвырнув Грачева ударом ног, Борис вскочил. Он хотел прекратить бессмысленную возню: знал, что сломает полупьяного противника.

— Хватит, что ли? — сказал Денисков.

Но Грачев снова бросился на него и увесистым соновым поленом нанес несколько беспощадных ударов. Он метил в голову, но вся сила удара пришлась на плечи и спину Бориса. Острая боль тысячами жал впилась в тело. Кожу словно натянули на металлическую терку поперек ее острого задира... Рассвирепев от жгучей боли, Денисков уже не управлял собой...

...Бригадир еще горевал по поводу разгрузки ледника и потерянного завтрашнего дня, когда к меркнувшему костру, пошатываясь под ношей, вышел из темноты Борис Денисков. Александр, привыкший в жизни на реке ко всяким человеческим номерам, на этот раз недоуменно смотрел, как молодой рыбак свалил

с плеч обмякшее тело Семена Грачева. Освободившись, Денисков почти рухнул на песок, прохрипел:

— Курнуть... дай.

Александр торопливо протянул папиросу. Парень сделал несколько жадных затяжек, потом кивнул на лежащего:

— Ты это, Саня, приberi... у меня уж сил нет.

— Да жив хоть он?.. — Бригадир склонился над лежащим.

...Ночью пришла морозилка Лосинского. Капитан причалил тихонько, без крикливого шума, с каким обычно швартовался у рыбацких станов, — не хотел старик будить утомленных мужиков, да и сам рассчитывал вздремнуть часика три-четыре до рассвета. Но чуткое ухо Валова еще издалека уловило рокот движущегося судна. И когда Лосинский сошел на песок, чтобы проверить, ладно ли матросик зачалился, перед ним из темноты возник бригадир.

— Будем грузить, — сообщил Валов.

— Прямо счас, что ли!

— А когда еще! Мне завтра день терять не с руки.

— Вообще-то верно. Счас время горячее, — старый капитан уважал Валова за хозяйственность. — Так ведь не готово, поди, у тебя?.. — Лосинский по привычке искал повод порезонерствовать.

— У меня всегда готово, — холодно отрубил Валов. — Открывай трюма.

Борис очнулся от тяжелого сна, потому что сосед слева неосторожно задел его по спине. Он застонал, приподнялся на локтях: в свете фонаря мужики в сарае натягивали негнущиеся от ночной волглости брезентовые робы. Аврал, понял Денисков, и взялся за одежду... Но услышал голос от двери:

— Ты, Борис, не ходи.

— Почему это?

— Сам знаешь...

Борис с раздражением подумал, что зря рассказал Валову про полено. Впрочем, поработать в полную силу для избитого тела было, пожалуй, даже полезно. Выходя из сарая, Борис с удовлетворением отметил бодрый храп Грачева.

К рассвету загрузили на самоходку всю добытую рыбу, взяли у Лосинского свежего льда, тару.

Матрос уже снял чалку с пня на береговом обрыве, капитан поднялся из машинного в ходовую рубку, когда на борт самоходки, словно вспомнив что-то, поспешно вскочил бригадир Валов.

— Знаешь что, Лосинский, возьми-ка с собой работничка одного, — попросил он.

— На кой он мне!

— Так он и нам, понимаешь, тоже ни к чему. Так возьмешь?..

— Сухой закон?.. — понимающе усмехнулся Лосинский.

— И это. И другое...

— Отвезу-у, — старик сделал щедрый жест. — И то правда, чтоб борт не продавил, грузить по пути заставляю. У меня, ведь сам знаешь, просто так и чирей не сядет, ха-ха-ха...

IV

Захотелось курить. Борис потянулся за сигаретам, но вспомнил про Лосинского. Осторожно одевшись, он бесшумно поднялся по ступенькам из кубрика, тихо притворил за собой двери, вышел на палубу. И сразу словно растворился в глухоте октябрьской ночи, потерял себя. Был тот час, когда все живое, теплокровное в природе спит или дремлет, когда миром правят одни лишь воздушные токи: незримые ветры, перегоняя громады воздушных масс, спешат до рассвета сформировать атмосферу грядущего дня. Денискову показалось,

что он слышит, как глухо и сочно перемещаются над головой воздушные платформы, наполняя округу шорохами. Щеки то холодило льдистым дыханием Севера, то согревало нежным бегом юго-западного ветра... Истекала ночь над обскими просторами. Была она растрепанная и неуравновешенная, глухая и непроглядная, готовилась произвести на утренний солнечный свет новый день. Каким-то он будет, каким?..

Борис закурил, поднял воротник куртки, осторожно, чтоб не свалиться за борт, прошел на нос катера, присел на подвернувшийся ящик. Некоторое время он сидел так бездумно, согреваясь теплом табачного дыма. А потом непрощено вернулись видения прошедшего лета... Деревенька Сатыга. Фельдшерский пункт, Рита Кречетова.

На другой день после отъезда Семена Грачева Борис вынужден был отправиться в медпункт. Ночью сгоряча он еще таскал вместе со всеми ящики с рыбой на самоходку Лосинского, но днем от малейшего прикосновения к спине, к плечам кожа вспыхивала нестерпимой жгучей болью, сама рубаша казалась орудием пыток, а натянуть через плечи неводной канат было совсем не вмоготу — занозы стали нарывать. Валов, заметив это, прогнал Денискова в медпункт.

Пока шел от песка до деревни, направляясь к аккумуляторному домику медпункта, боль утихла. На редкость чистый день уродился в тот раз. Песок, если смотреть на него с крутизны материкового берега, горел насыщенно-оранжевым цветом. Сосновый лес невдалеке зеленел так сочно, как не бывает летом, как зеленеет он лишь зимой. Все краски этого дня жили на редкость яркой самостоятельной жизнью, не смешиваясь, не переходя в полутона, полуцвета. Контрастный был день. И этим именно он властвовал над человеком, заглушая все чувства и мысли, кроме ощущения и мысли о ра-

дости бытия, простого присутствия на земле... На этой земле, в этот день. Борис полностью подчинился такой власти и бездумно шагал по маленькой деревушке. Прошел мимо магазина, на крыльце сидела Тося Маркушина — дурашливо помахал ей рукой. Лайка лениво растянулась посреди дороги — наклонился, пощекотал ей загривок. Курица с выводком переходила путь — посвистал вдогонку подрастающему поколению. Поднялся на крыльцо медпункта, потянул на себя тяжелую дверь в сени, постучался в беленькую с крашеными стеклами дверцу:

— К вам можно?

Молодая фельдшерица Рита Кречетова от нечего делать перебирала нехитрый скарб кабинетика, смотрела в окно и подумывала уже сбежать на реку искупаться, позагорать — все равно больных не было. Вообще за неделю жизни в Сатыге к новой медичке обратилось всего три человека. «Здоровый народ, — с обидой размышляла девушка. — Зачем им медик, без меня обошлись бы... только зарплату зря получаю. Стыдно даже. Все работают, а я одна... Вон рыбаки...» Рита подумала, что неплохо бы сходить на песок, в гости к рыбакам. «А почему в гости? — тут же нашла она оправдание. — Мне и положено побывать там. Посмотреть, в каких санитарных условиях живут, чтоб эпидемии какой не случилось». Про эпидемию она понимала, что зря: какая на свежем воздухе у чистой реки может быть эпидемия! Но посмотреть на рыбацкую жизнь хотелось, и Рита твердо решила завтра же с утра отправиться на песок. А пока не грех выкупаться в Оби, вон солнце как морит, в комнате долго и не высидишь. Рита принялась снимать халат, когда в дверь постучали и сочный молодой баритон произнес:

— К вам можно?

Перед ней стоял невысокий широкоплечий парень в синей рубашке с закатанными рукавами, в брезентовых рыбацких штанах. Темно-русые волосы густой бес-

порядочной волной бежали к затылку, открывая высокий загорелый лоб, оттеняя глубокую северную синеву веселых глаз. Удивительно, но она как-то сразу, одним взглядом охватила лицо парня, его безмятежное, жизнерадостное выражение. Чуть курносый, улыбка бездумная, обаятельная. Было в этой улыбке еще и удивление... Чему он удивляется?

А Борис, переступив порог чистенького белого помещения, действительно удивился, растерялся. Зачем он сюда пришел? И вообще, куда это его занесло? И эта девушка перед ним, кто она?

— Что вам нужно? — спросила девушка.

И Борис увидел неровный ряд зубов с набегающими друг на друга резцами, легкие, должно быть нежные, губы. Она вскинула рыжеватые ресницы, и ему представилось: если прикрыть этим прозрачным веером глаза и смотреть на солнце, то лучи его будут разбиваться на полный спектр. Лоб у нее матово-чистый, трогательный в своей беззащитной незагорелости.

«Странный парень, — подумала Кречетова и быстро-быстро застегнула пуговицы халата. — Чего он молчит?.. Чокнутый, что ли... уставился прямо...»

— Вы больны? — голос фельдшерицы стал сердитым.

Она уже сидела за столом и смотрела на него отчужденным строгим взглядом. Борис независимо передернул плечами, пронзительная боль судорогой пробежала по всему телу, он не смог сдержать гримасу боли на лице.

— Садитесь, — скомандовала девушка. У вас что-то болит, ведь так?

— Спина... кожа, понимаете?.. Занозы... — Борис поморщился.

— Снимайте рубаху.

Пальцы у девушки были тонкие, чуткие и холодноватые, их прохладные прикосновения успокаивали горячую боль... Борис терпеливо лежал на животе, пере-

нося болезненную процедуру: фельдшерица то пинцетом, то иголкой извлекала многочисленные занозы.

— Терпите, терпите, миленький... — повторяла вполголоса Кречетова. — Вот и хорошо... еще одна, вот она... терпите...

Через час, весь перебинтованный, он сидел у столика и смущенно отвечал на вопросы фельдшерицы. Девушка заполняла больничную карточку, старательно отводя взгляд от пациента. Борис видел испарину на ее виске, видел, как вздрагивают ее руки, и думал, что бедной девчонке пришлось изрядно потрудиться над его задубевшей шкурой. «Наверное, в первый раз такая операция», — усмехнулся он в душе. Фельдшерица неожиданно оставила писанину, бросила руки на колени, рассмеялась счастливо и облегченно.

— Ну надо же... так испатесовался! Ты что, через поленницу полз? — сквозь смех проговорила она. — Я так испугалась, так испугалась. Думаю, что же тут делать?.. Нас ведь не учили занозы вытаскивать... Ой, какая жуткая спина-а...

— Да ну, пустяки, — добродушно поддержал Денисков.

— Какие пустяки, что ты! Живого места нет.

— До свадьбы заживет. — Борис смотрел на девушку, отмечая ее простодушную гордость за удачно сделанное дело.

Уходя, Борис взял ее руку в свои большие ладони и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Как звать-то тебя, спасительница?

— Маргарита Ива... Рита... Кречетова.

— Ну, мои анкетные у тебя записаны. Ты, Рита, приходи к нам на песок. Ухи отведаешь настоящей, а?.. Придешь?..

— Приду. Проверить надо, чтоб тебя на легкий труд перевели.

— Легкий труд?.. Ха-ха... Да у нас везде легкий труд. У нас, Рита, все легкое. Рыбак, он легок на подъ-

ем. У башлыка легкая рука... Другое дело, когда невод легонький идет, тогда уж плохо. Придешь, Рита?

— Приду, Борис.

Она пришла на следующий день перед обедом. Как раз заводили вторую тоню. Водомет уже стоял у берега, и мужики вытягивали на сушу оба неводных крыла. Рита села в сторонке на высохшую корягу и во все глаза смотрела, как действуют рыбаки. Она с наивным восхищением следила, как метр за метром выползает из воды бесконечное клетчатое тело невода. Она видела, как багровеют лица мужиков, как напряженно перекатываются на руках, плечах и спине крупные, привычные к нелегкой работе мускулы. Невольно она выделяла Бориса Денискова. Забыв, что он ее пациент, что ему назначен легкий труд, Кречетова с удовольствием отмечала, что у него все получается необыкновенно ловко, скоро, с веселым мальчишеским шиком. Так оно в действительности и было, настроение у Денискова было отличное: он сразу заметил молоденькую фельдшерицу, ее присутствие подстегивало его, подогревало, веселило. Скоро девушку заметили и другие рыбаки. Катерист Николай Соловьев осторожно толкнул Денискова в бок:

— Смотри, Борь, твоя фершалка пришла.

— Откуда знаешь, что фершалка, на лбу у нее не написано...

— А вона сумка с крестиком.

— Без тебя вижу, что пришла... — смущенно буркнул Денисков. — Чего лыбишься-то!

Подтянули на мелководье мотню. Началась выгрузка рыбы. Бригадир закурил, кивнул Денискову на берег:

— К тебе, верно. На перевязку, а?.. Иди пока, без тебя управимся... — щурясь на девушку, сказал он. — Да пусть обедать остается, там Соловьев, поди, уху сварганил.

Обед у костра прошел на этот раз веселее обычного.

Объяснялось это, конечно, присутствием тоненькой фельдшерицы. С начала путины у рыбацкого котла еще ни разу не появлялась женщина. После обеда Валов объявил отдых: вот-вот должна была подойти «пэ-тээска» — сделать третью тоню все равно не успели бы. Рита придирчиво осмотрела рыбацкое жилье, по-расспросила у мужчин о здоровье, сделала внушение бригадиру за некоторые непорядки по части санитарии. Потом забрала Денисова с собой в медпункт на перевязку.

В рыбацком лагере Рита чувствовала себя уверенно, старалась быть строгой. Но как только осталась вдвоем с Денисовым, притихла, потеряла недавнюю бойкость и уверенность. Тут, видимо, сказались и взгляды и реплики, какими провожали их рыбаки. «Зачем явилась на берег! — казнилась она. — Что подумают люди?.. Подумали уж... Не маленький, сам бы пришел на перевязку». Шли молча.

В медпункте Рита снова почувствовала себя увереннее. Письменный стол, бумаги, ручка, стетоскоп, термометры — привычные атрибуты медицины внушали ей строгость, независимость. И Денисов почувствовал образовавшуюся между ними дистанцию. Он послушно дал разбинтовать себя, с блуждающей улыбкой подчиняясь коротким приказам Кречетовой. С той же улыбкой выслушал ее похвалу:

— Удивительно быстро проходит у вас.

Он снисходительно отметил это «у вас». А когда девушка, наложив новую повязку, принялась завязывать бинт на его груди, приподнявшись на цыпочки, Борис неожиданно для себя обнял ее. Она заколотила в грудь маленькими кулаками. Очнувшись, Борис разомкнул руки, но отметил, что не сразу вырвалась девушка, что одно мгновение она была с ним. И ее глаза кружились некоторое мгновение в смятении. Он снова обнял ее, но ощутил твердость узких плеч, реши-

тельность движений. Она отошла к столу, села, закрыла лицо руками.

— Я прошу тебя... прошу, Боря. Не надо так... не надо.

Он стоял посреди комнаты, в бинтах, без рубашки, растерянно уставясь на вздрагивающую худенькую спину девушки. Потом натянул рубаху, пошел к двери, но в последний момент передумал, вернулся к столу, осторожно обнял фельдшерицу, коснулся губами завитка волос на виске:

— Рит... — прошептал он, — ну, прости, ладно?.. Не обижайся...

Что-то в предутренней темноте сдвинулось. Воздух сразу похолодел и загустел, концентрируя в себе какую-то новую силу. Стало трудно дышать, и Денисков несколько раз поперхнулся табачным дымом, который тоже потерял мягкую летучесть. Вокруг все затихло, затаилось в предчувствии скорой перемены. Борис тоже замер в ожидании этой перемены, оторвавшись от воспоминаний.

Над головой послышался хрусткий шорох, потом все задвигалось в воздухе — и мощный снежный заряд ударил наискось на землю, на реку, на все живое и замерзающее... И скоро вся округа потерялась в снегопаде. Первый снег на Оби. Он явился неожиданно. Он шел и шел. Уже через несколько минут все вокруг растворилось в молочном шорохе. Потом ударил и первый серьезный заморозок. И жизнь вокруг приобрела предзимнюю бодрость и звучность.

V

В Колосово пришли вечером, в темноте. Сыпал мелкий колючий снежок. Пришвартовались под какой-то черной громадой, угрожающе нависшей над

палубой самоходки. Было удивительно, как это Лосинский прицепился тут. Самоходку периодически поднимало на волне, было слышно, как с мокрым хрустом она трется о дерево.

Они прицепились к береговой паводковой эстакаде. Капитан сам наставил узкий длиннющий трап и с неожиданной для тучного тела ловкостью стал карабкаться вверх, куда-то в самое небо — трап стоял почти вертикально. Лосинский исчез там и долго не подавал никаких сигналов. Денисков ждал на палубе, придерживая скользкий, сразу отсыревший от снега трап. Ветер пробирал его сквозь хлипкую куртку, снежные иголки больно впивались в опущенные веки и озябшие губы. Было тревожно и бездомно на душе. Борис задумался и не заметил, как зашевелился трап, и обнаружил Лосинского лишь в последний момент, когда тот свалился на него, соскользнув по обледенелому трапу.

— У-уф, чуть в воду не съехал... Наказание, а не пристань. Того и гляди голову сломишь! — ворчал капитан, отряхивая штаны.

— Ну как? — спросил Денисков.

— Никак! — зло хрипанул Лосинский. — Никого нет. Ни одной живой души.

— А кого нужно-то?

— Начальника участка нет. Кладовщика нет. Бригадира нет. Пьют, сволочи! Я их знаю... Рогов пьет, Кузиванов хлещет... Валов...

— Ты ведь знаешь, Лосинский, Саша Вадов не пьет.

— Притворяется, вот и весь сказ... Не верю я в этих ангелочков! — капитан хлопнул дверью рубки.

Сверху на Оби послышался приглушенный расстоянием рокот дизеля. Минут через пять из-за поворота выполз луч прожектора приближающегося катера. Мохнатый луч нащупал самоходку, пополз вправо вверх, и в его свете Денисков смог рассмотреть эстакаду

пристани: это был длинный ряж, высотой метров пять, срубленный из толстенных сосновых бревен. От старости и сырости бревна покрылись тиной и отсвечивали жирно и злобно. Сруб эстакады уходил в воду, может быть, еще метра на три-четыре. Весной самоходка пришвартовалась бы к верхней кромке эстакады, к ее настилу из толстых плах, а сейчас вынуждена притулиться далеко внизу.

Чужой катер шел к берегу, не снижая хода, и Борис подумал, что из капитанской рубки кого-то высматривают на пристани, не решаясь причалить. Катер вот-вот должен был положить руль влево и следовать дальше, но он не сворачивал, а на полном ходу влетел на отмель справа от пристани, сзади его настигла собственная волна, покатила через машинный отсек до самой рубки — дизель захлебнулся, а может, капитан успел заглушить его в последний момент. «Лихачи!» — подумал с презрением Денисков.

Борис уже чувствовал усталость от затянувшегося путешествия, от бесцельной болтанки на тихоходной морозилке, от холода и ветра, от сырости, от сытого глубокомыслия Лосинского, своей инертности и безволия...

Денисков помнил, что в Колосове живет его первый бригадир Александр Валов. В самый разгар путины Александр уехал сюда, потому что его ждала местная бригада на Аганском стрежевом песке. Аганский песок в Средней Оби славился богатыми уловами ценной рыбы. Александр Валов, лучший бригадир Сургутского рыбозавода, работал на нем все последние годы. В начале путины он организовал бригаду в Сатыге, на давно заброшенном песке, потом, когда дело там наладилось, передал ее Тверитину. Уезжая в Колосово, Валов звал с собой Денискова, но Борис тогда отказался. Теперь захотелось увидеть Александра, посидеть у него за семейным столом, поговорить о рыбалке, о жизни... Борис посмотрел на обледенелую лест-

ницу, ведущую прямо в небо, и поежился, живо представив, как он карабкается по ней, а внизу жирно чернеет ледяная обская пропасть... Перспектива искупаться не радовала, и он решил визит к бригадиру отложить на утро.

Но скоро наверху захрустели чьи-то уверенные шаги, задрожал под движущейся тяжестью трап — и на палубу соскочил невысокий ловкий человек в ватнике и кепке. Денисков сразу признал в нем Валова, радостно протянул ему навстречу обе руки.

— Саня, ты, что ли?! — вскричал он, почти физически чувствуя необыкновенный прилив дружеского тепла. — А я только что о тебе думал, ха... Легок на помине.

— Я, брат, на все легкий, — с ласковым смешком ответил Валов. — Когда пришли-то?

— Минут двадцать.

— Лосинский матерится, конечно?..

— А ты как думал?!

— Пускай его... — Валов махнул рукой. — Все равно сейчас грузить у нас некому. А рыбы у меня много.

— Все еще рыбачите?

— Налим идет, Борис. Налим здоровенный, так и прет! Жалко упускать. Мужики все испатесовались вусмерть, аха.

На голоса вылез из кубрика капитан. Против ожидания он не накинулся на Валова с обычной скучной руганью: Александра, судя по всему, он уважал, признавал за трезвого толкового человека и побаивался его.

— Что, Валов, — степенно обратился он, — загулял народец-то?..

— По такой погоде три тони сегодня завели, только что с песка приехали... Сам понимать должен, уморились мужики.

— Ну ладно тогда, коли так, — совсем отмяк Лосинский.

— Утром живехонько загрузим... Рыбы-то много. Налим здоровенный прет!

— Ну тогда спим до утра, — капитан зевнул и действительно отправился спать.

Борис и Александр закурили из одной пачки, постояли молча, будто заново приживаясь друг к другу. Первым молчание прервал Валов, он бросил папиросу за борт, сказал утверждающим голосом:

— Что, Борис, айда ко мне на ночлег. Поужинаем, поговорим за жизнь.

— Да я уж и сам хотел тебя искать.

— Вот и ладно.

Рыбак, как небольшой медведь, побежал на четвереньках по ледяному трапу в темное небо. Потом протянул руку неуклюжему товарищу, рывком поднял Денискова на помост. С эстакады пристани они еще карабкались метров пятьдесят по глинистому утору, наконец выбрались на деревенскую дорогу. Большое село размахнулось в основном справа на речном крутосряде. Там перемигивались яркими звездочками окон многочисленные дома, домики, домишки. Сквозь легкую снежную пелену слышался глуховатый, неременный для северных поселений постук электростанции. Ветер доносил кухонные запахи. В предзимней тоске была какая-то заполошенная собака — скорей всего неприкаянная дворняга. Прошла стороной какая-то компания — голоса погукали в белесой тьме и затихли.

— Погоди немного, — попросил Денисков и замер, словно переводя дыхание. Его остановило, захватило дух странное, неожиданное ощущение полета, которое усиливалось снежной круговертью, размытостью всех угадываемых очертаний. И далекий обский шум внизу казался эхом пролетающих мимо других миров. И налетевший ветер безбрежных пространств тревожно гу-

дел вокруг, озаряя человеческое сознание предчувствиями грядущих перемен. И так вдруг защемило сердце... И Борис почувствовал, как много накопилось в его душе такого, что жаль оставлять, нельзя потерять, забыть, растратить попусту; что сам он богаче, чем думал раньше, что в жизни все не так просто, как считал раньше. И он почувствовал себя высоко и увидел вдали еще один человеческий крохотный мирок в десяток домишек... в одном из них тревожно горят три оконца, и там прислонилась к стеклу лбом девушка и смотрит во вселенную грустно и укоризненно.

— Айда, что ли, — нетерпеливо потянул Денискова за рукав Валов.

На высоком крыльце валовского дома дремала лохматая собака. Хозяин потрепал ее по загривку, смахнул с нее снег, с теплой гордостью похвастался:

— Это, Боря, настоящая лайка, чистой породы, — вздохнул. — Сейчас, брат, такую собаку не везде найдешь.

От яркого света и густого тепла в избе Денисков разомлел. Хозяйка, жена Валова Катерина, встретила их широкой улыбкой.

— А я ровно знала, что гости будут: пироги сегодня навела. Один уж скоро поспеет. Проходите в избу-то.

Проходить в избу значило в красную горницу проходить. Борис прошел туда вслед за Александром, с любопытством присматриваясь к обстановке. Дом у бригадира был просторный: кроме залы, он заметил двери еще двух комнат. Красная горница казалась особенно широкой, потому что не отличалась богатством мебели.

Хозяин, заметив наблюдение гостя, поторопился объяснить:

— Бедновато, конечно. Мы ведь второй год здесь. Только что мясом обрастать стали, а то вообще одни кровати стояли. Голо было, хоть сети суши в избе.

— А что, погорели, что ли? — удивился Денисков.

— Хм... как глянуть на это дело... Я от прежней бабы ушел в чем был, все ей оставил. Катерина вот мужа схоронила, хозяйство свое дочери старшей отдала, когда ко мне переехала... по моему приказу, конечно.

— Что так строго?..

— Так знаешь, Боря, надумал я жизнь второй раз снова налаживать. И чтоб старого тряпья под ногами не путалось!

Из кухни выглянула Катерина:

— Где ужинать будете, Саша?

— Тащи сюда.

— А я бы на кухне лучше... — неуверенно предложил Денисков. Он знал, что мужской душевный разговор на кухне всегда теплей, проще, откровенней. А ему хотелось именно такой дружеской беседы.

— Ладно, давай там, — согласился Валов.

Стол даже по городским понятиям был роскошным. В тарелках дымились густым парком красиво вылепленные один к одному пельмени. Настоящие сибирские — с оленьим мясом. Перед пельменями хозяйка предложила отхлебать по полтарелочки ущицы, для разгону. Тут же стояли плошки с огурцами, груздями домашнего бочкового посола, отварная картошка в полопавшихся от тесноты «мундирах», малосольный порезанный муксун, ломтики осетрового балыка. В отдельной глубокой тарелке красовалась черная икра, тоже домашней готовки. На десерт предполагалась подмороженная брусника и варенье из нее, а также из голубики и черники. Все было выставлено сразу, будто нарочно, чтобы разыграть в застолье неудержимый аппетит. Катерина взрезала и вскрыла на большом плоском блюде горячий пирог.

— Стерляжий пирог-то, — пояснила благодушно хозяйка, и строгие черты ее суховатого лица заметно сгладились, налившись доброй полнотой.

— Подвернулось тут несколько штук в сетешку, — пояснил Александр.

Хозяйка налила две рюмки, лукаво подмигнула мужу и предупредила гостя:

— Тут у нас спирт, так что... Другого чего в доме не держим. А спирт, он всегда пригодиться может.

— А что же вы? — Борис посмотрел на женщину.

— Я? — хозяйка рассмеялась. — Мне не положено. Если выпью, Саша поедом заест, во-он как смотрит...

— Скажешь тоже! — смутился Валов. — Будто тебе не велено.

Мужчины чокнулись. Борис большим глотком выпил спирт, запустил следом по вспыхнувшему горлу холодный мокрый груздь, перевел дыхание. И с удивлением заметил, что рюмка хозяина по-прежнему полна.

— А ты чего, Саня? — обиделся он.

— Не сердись, Боря, непьющий ведь я, сам знаешь, — в коричневых глазах бригадира плясали смешливые чертенята.

— Ну, на реке это понятно... А так... Совсем, что ли?

— Два года как бросил.

— Ну и я не буду. Что я, алкаш, что ли, один пить...

— Да разве один... Вот чокнемся вместе, и ладно.

Хозяйка незаметно вышла из кухни, оставив мужчин наедине.

Молчали, курили. Каждый думал о своем. Борис поглядывал в чистое ясное лицо товарища и снова, как там, на рыбалке, удивлялся его здоровой свежести: даже морщин у Валова почти не было, лишь у рта с обеих сторон две линии да широкий лоб в напряженный момент морщился в гармошку. Какой же светлый характер нужно иметь, чтобы душевные тяготы не

вышли наружу, не проявили свою сумрачность в человеческом лице.

Борис вспомнил, с какой дружеской настойчивостью уговаривал его Александр поехать на Аганский песок, в свою родную бригаду. Да-а... если б не Рита, разве расстался бы он тогда с этим настоящим северным человеком. И как замечательно и отлично, что вот они встретились еще раз на прощанье.

— А как у тебя... — Валов замялся, — с этой... с медичкой-то?

Бориса вопрос не застал врасплох. Он ждал его, потому что бригадир знал, из-за чего Борис остался в Сатыге. Но действительно, как у него с Ритой? На этот прямой вопрос он просто не мог дать ответа. С одной стороны, ясно, что они рассорились и она, можно считать, прогнала его. С другой стороны — так ему казалось — осталась между ними какая-то недоговоренность, тень надежды...

— Да никак, Саня... — глухо ответил Денисков. — Кажется, я сплеховал, обидел ее.

— Может, еще выпьешь?..

— Не буду. Да и перегорело все... Вот приеду домой, гульну слегка на кровные денежки: девок в городе — косяками ходят!

— У меня предложение есть, — Валов строго заглянул в глаза Денискова. — Поработай немного у меня. Позарез человек нужен! Тут моторист на водомете захворал, а ты ведь в моторах петришь, а?..

— Я ж на праздники домой спешу.

— До ноябрьских еще неделя, успеешь. А то и моторист поправится... Понимаешь, такой налим у меня прет — глазам не верю! Жалко упускать счастье рыбацкое... Подзарабишь еще сотню-другую.

— Давай это дело на утро отложим. Подумаю, ладно?

На новом, необмятом диване Денисков опять, как и в кубрике Лосинского, не мог заснуть, ворочался с от-

крытыми глазами, ругал себя за привередливость, списывал бессонницу на затянувшееся безделье: все-таки за последние месяцы организм привык к большим нагрузкам — и вдруг такое резкое расслабление. Ему не хотелось признаваться, что причиной беспокойства и бессонницы послужил вопрос Валова... Но, наконец признавшись в этом, он уже не мог не думать о далекой молоденькой фельдшерице.

Борис снова увидел, как вздрагивают ее худенькие плечи, как он, растерянный, осторожно прикрывает за собой дверь медпункта... Потом другое видение: они сидят на высоком обрыве вдали от деревеньки, она доверчиво прижалась к нему и неестественно расширенными глазами смотрит на яркий августовский закат.

— Жутко как... — шепчет она, поеживаясь. — Сколько крови на небе.

Он смеется в ответ, тормозит ее:

— Чего ты испугалась, глупышка. Наоборот, красиво как!

Они встречались каждый день. Однажды Рита уехала в райцентр за лекарствами, ее не было пять дней — за это время Борис извелся от одиночества и беспокойства и признался себе без обиняков, что тоскует по «маленькой фершалке», как называли Кречетову в бригаде.

Встречи с девушкой незаметно стали необходимы ему как воздух, как ежедневная рыбацкая работа. Но Борис чувствовал, как иссушают они, будоражат нервы. Рассветы и закаты, невинные поцелуи, почти бесплотные объятия... Борис злился на себя, злился на подругу, клялся завязать этот мальчишеский роман, но не пойти к девушке было выше его сил. И всякий раз он снова шел к маленькому аккуратному домику медпункта.

Однажды новый бригадир Тверитин дал рыбакам выходной день. Борис наскоро искупался в реке, надел чистую рубашку, брюки, взятые из дому на случай какого праздника, и отправился знакомой дорогой. Мужики провожали его насмешливыми советами и соболезнованиями. Какое-то тревожное волнение подмывало его: не признаваясь себе в этом, он словно решался сделать некий определенный шаг, хотел так или иначе разрубить тугой болезненный узел беспокойных взаимоотношений с Ритой, выяснить до конца запутанную ситуацию... «Дальше так нельзя, нельзя... — в такт размашистым шагам стучало в голове Денискова, — нельзя, нельзя! Что я ей, мальчик, я не мальчик, не мальчик...» Он проходил мимо рыбкооповского магазина и вдруг безотчетно свернул к его высокому крыльцу, машинально потянул дверь, ступил в прохладный пахучий сумрак. В первые секунды он растерянно остановился перед прилавком, потом осознал, что перед ним Тося Маркушина, и сообщил, зачем потянуло его сюда.

— Тося, у тебя сто грамм найдется? — спросил он как можно развязнее.

Женщина снисходительно улыбнулась.

— Для тебя, Боренька, завсегда найдется.

— Вот и хорошо, вот и отлично... — засуетился Денисков.

— А че ты вырядился?.. Небось к фершелице идешь? Острограмиться-то для храбрости думаешь?.. Ладно уж, — Маркушина присела за прилавком, там послышался звон стекла, бульканье. — На, держи... Да поживей управляйся, а то зайдет кто...

Денисков залпом проглотил почти полный стакан водки, закусил протянутым огурцом, потоптался неуверенно у порога.

— Ну, я пойду, Тося... — с заискивающей благодарностью сказал он.

— Ступай, че уж там.

В коридорчике медпункта никого не было, и Денисков вздохнул с облегчением: слава богу, посетителей нет. На всякий случай он постучал в дверь кабинета. Рита стояла у аптечного шкафа, отмеряла в пробирку из пузырька какую-то жидкость. Борис шагнул к ней, сжал в объятиях, прислонил свой лоб к ее левому виску.

— Не мешай, Борька... — она капризно шевельнула плечами, — разобьем склянки.

— Я сейчас все тут перебыю и замок амбарный повешу, чтоб никто не болел, сюда не таскался и нам не мешал!

— Тебе хорошо, ты молодой... А старики?.. Старикам без медпункта нельзя, — девушка поддержала его шутливый тон. — У тебя выходной сегодня, что ли? — спросила она.

— Ага, у нас сегодня отгул. Пойдем куда-нибудь.

— Ой, Боренька, а я как раз по ягоды собиралась. Пойдем по ягоды?

Лес за деревенькой расступился, открывая свои заветные тропинки. Они шли под светлыми сводами смешанного березняка и осинника. Близ деревень на Севере на местах вырубок всегда густо разрастается светлоселье, а сосновые боры и елово-пихтовое черное лесье урманов держат свои рубежи подальше от человеческих селений — там звериные тропы, сумрачная первобытная тишина, там глухаринные и косачиные тока, медвежьи лежки, скоро там затрубят призывно и воинственно могучие красавцы сохатые... Не становись на их пути, не поднимай ружье в попытке остановить эту дикую и мощную страсть. Осень в тайге. Пора, когда одно отцветает, жухнет, истекает последним огнем жизни, а другое начинается в жестокой борьбе за право оставить свое потомство, за грядущее поколение самого сильного и жизнестойкого, за право победителя жизни.

Пронзительная чистота лесных запахов кружила

голову, будоражила нервы — Борис чувствовал, как от легчайшего движения воздуха вздрагивает каждая его клеточка. Тминный дух почерневшей осиновой коры, сладковатый аромат первоцветных березовых побегов, горклый запах черной подзолистой земли, в котором еще бродили дымы прошедших пожаров, — все было густо настояно на неистребимом аромате вездесущей осенней прели. Тишина... Ничто, кроме шороха ветра в вершинах деревьев, не нарушало торжественный исход осени.

— Рита, Ри... — Борис обнял девушку, взял в ладони ее холодноватые щеки, заглянул в серые глаза. Лицо подруги сразу налилось теплотой, зрачки стали заметно расширяться, открывая в своей глубине зеленноватые хрусталики. — Какая осень, Рита!

— Как весна, — прошептала она, загипнотизированная его срывающимся голосом, его проникающим взглядом.

Но, как и тогда, в медпункте, Кречетова высвободилась из объятий Денискова, ухватилась за дужку спасительного ведра.

— Скоро будет поляна брусничная... Собирай ягоды, а?.. — В голосе Риты Борис услышал слезы, он резко отвернулся, закурил, просыпая спички.

— О-о, ч-черт побер-ри! — буркнул он и с удивлением услышал за спиной девичий смех.

— Какой ты смешно-ой, когда злишься... — смеялась Кречетова.

Рита свернула влево и углубилась в лес. Денисков сел на пенек и выкурил одну за другой три сигареты. Надо было что-то делать, не сидеть же так до вечера! Но на бедро он смотрел с усмешкой: «Не хватало еще с серьезным видом ягоды собирать!» Вслед за нервным напряжением пришла расслабленная усталость, накатило безразличие. Борис постелил на солнечном пятачке между березами куртку, бросился на нее навзничь; некоторое время он бездумно щурился в

яркую небесную синь, потом глаза сами собой закрылись отяжелевшими веками, поплыли разноцветные круги...

— Встава-ай, встава-ай, засоня-а-а... — сквозь сон слышалось Денискову, и мягкая волна пробежала по его лицу.

Он осторожно приподнял веки, но тут же закрыл их, боясь испугнуть видение: он увидел над собой большущие серые глаза с легкой позолотой по краешкам зрачков, вздрагивающие в смехе легкие губы... Он осторожно поднял руки, не открывая глаз, притянул девушку к себе.

А потом она лежала, уставясь в голубую пустоту бессмысленным равнодушным взором, зрачки ее сузились до крохотных темных точек, но все равно ничего не видели, не понимали.

— Рита, Ри... милая, что с тобой?! Ну перестань так... Не смотри ты так! Я ведь люблю тебя. Люблю, дурашка... Ну, заплачь, что ли, господи... о-о-о-о, черт возьми! — Он схватил ее за плечи. — Ну скажи что-нибудь! — Борис вскочил на ноги, стал искать сигареты. Нашел в траве у пня, закурил, сел.

Сзади слышался шорох, звякнуло ведро. Денисков облегченно вздохнул, обернулся на звуки: к его удивлению, Рита сидела на корточках и сосредоточенно собирала с травы бруснику.

— Ягоды рассыпались... вот... — ломким морозным голосом произнесла она.

Борис с надеждой взглянул в ее лицо, но отшатнулся, встретив вместо живого тепла мертвенную бледность незнакомой маски.

Он молча донес ведра с брусникой до опушки перед деревней, сел на подвернувшийся пенек и сквозь сигаретный дым долго следил за одинокой беззащитной фигуркой, которая, покачиваясь от тяжести ведер, двигалась по дороге к Сатыге.

Стылая земля вперемишку с крупчатым снегом скрипела под ногами, как соль. Морозный туман слоистыми космами окутал все видимые предметы, и дома в его сумрачном оперении казались сизыми, а ближе к реке и вовсе фиолетовыми. Но солнце уже подпаливало верхние края туманов своими лучами из-за горизонта. Обещался теплый день. Валов и Денисков неспешно двигались к пристани.

— Ну так что, Борис? — бригадир напомнил вечернее предложение.

— Не знаю даже, — бурчал Денисков. — Я ведь на праздник домой хотел поспеть!

— Так неделя еще. А там мой моторист выйдет... А билет на Тюмень мы по рации в рыбзаводе закажем.

— А там Обь станет, — усмехнулся Денисков. — И побегу я в Сургут на коньках?

— Не побежишь. Нефтяники до последней возможности плавают... Доставим к самолету в лучшем виде.

Они подошли к пристани. Денисков еще ничего не сообразил, а Валов уже согнулся от неудержного смеха:

— Глянь-ка... смотри, Боря... — хохотал он. — Лосинский-то ушел, бросил тебя...

Денисков пошарил взглядом у эстакады, по сторонам — ПТС-36 нигде не было. Значит, старик поднял все-таки мужиков спозаранку, загрузился и ушел вниз. Борис со злостью выплюнул зажеванную «беломорину», сердито хлопнул приятеля по спине:

— Чему радуешься!.. У товарища беда, а ему смех.

— Сам бог ведет тебе, Боря, поработать у нас, вишь, как все распорядилось...

— Ну если бог, а не черт... — Денисков примириительно пожал плечами.

— И денежка не лишняя, — вставил Валов.

— Да брось ты.

— Не бросайся, брат. Я тебе скажу, иной день по полсотни на человека приходится, а такие деньги еще заработать надо!

Через полчаса на моторной шлюпке Валов и Борис прибыли на Аганский стрежевой песок. Валовские рыбаки встретили их хмурыми от вынужденного безделья лицами. Но когда Александр представил им нового моториста, все ожили, захлопотали — лица мужиков повеселели. Пока на берегу шли приготовления к работе, Валов показал Денискову рыбацкий стан. Просторный барак с койками и каменной печкой, красный уголок, где, кроме цветного телевизора, стоял большой бильярд и стол для доминошников, вместительный ледник...

— Богато живете.

— А я ведь звал тебя, — упрекнул Валов, но, поняв, что разговор сводится на опасную тему, размашисто зашагал обратно к берегу.

Три дня Борис таскал на буксире разбухшую обледеневшую мережу километрового невода. Старенький водометик трудился непритко, но исправно и надежно. И флотская выучка еще не забылась после армии. Эти три дня пролетели как один. Выходили на берег в пять утра по серой, чуть брезжущей паволоке, заканчивали в темноте, выбирали последнюю рыбу уже при свете прожектора. Налим шел косяками, центнерами, тоннами, как взбесившийся. Рыба была как на подбор, одна к одной — не меньше десяти килограммов каждая, попадались и пудовые экземпляры. По вечерам у раскаленной печной плиты было много разговоров о налимах повадках, приметах... Говорили, что налимы утопленников сосет... а в таком-то годе здоровенный налимище уволок в воду ребенка... А ели, несмотря на суеверные разговоры, все тех же налимов — благо рыба шла на редкость жирная, нагулявшая сало. Всех в бригаде охватило лихорадочное возбуждение: гребли и гребли рыбу, взвешивали, сваливали в

ледник навалом, потому что тара давно вся вышла. Борис тоже загорелся всеобщим азартом. Он крутился и на своем катерке, и наравне со всеми выбирал невод, таскал носилки с рыбой. С общего согласия Валов положил Денискову за эти дни по два пая. Впрочем, мужики дали бы все три, потому что без Бориса эти горячие деньки пропали бы совсем впустую.

В бешеной работе Борис забыл, что надо выбираться в Сургут, что холодает и по Оби идет шуга, что в Тюмени его ждут отец и родня. Он так приловчился к старенькому водомету, что очень удивился, когда на четвертое утро к Аганскому песку подрулила шлюпка и из нее вылез белобрысый круглый мужичок, заявивший свои права на суденышко. Только с прибытием хозяина водомета Борис очнулся от счастливого рыбацкого ошаления, передал посудину и заявил бригадиру:

— Ну, Сань, как знаешь, а транспорт до Сургута обеспечить. Уговор дороже денег!

— Оставайся уж до конца, — попробовал удержать бригадир. — После праздников все равно вертолетами налива вывозить будем. Заодно и улетишь, может, прямо в Тюмень.

— Гони транспорт, а то шею намылю... — рассмеялся Денисков.

— Да уж придется, брат, — Александр озабоченно сдвинул кепчонку.

VI

Вечером, еще до наступления темноты, рядом с неуклюжей эстакадой пристани на песок полным ходом вылетел катерок ярославского производства «Зюйд». Александр и Борис с колосовского угора наблюдали за его лихим маневром.

— Он что, все время так кочегарит? — спросил

Денисков, припомнив, что видел подобный маневр этого же катера недавно ночью.

— Аха. Леня зачаливать, наверно... Да и капитан на нем морской мужик, шустрит все. Вот с ними и поплывешь.

— А возьмут?..

— Эти-то!.. Возьму-ут. Они у меня вот где... — Валов показал сжатый кулак.

В ходовой рубке катера никого не было, но бригадир уверенно поднял квадратную доску слева от штурвала, толкнул под ней дверь-распашонку и, пригнувшись, полез внутрь... Всего три ступеньки круто вниз — и они оказались в довольно просторном кубрике. После студеной чистоты речного воздуха в ноздри резко ударил прогорклый, застарелый табачный дух — в кубрике было синё от дыма.

Валова сразу узнали, к нему потянулось несколько рук. Один мужчина, светловолосый, с оттопыренной нижней губой, радостно поднялся навстречу:

— Са-аша, башлы-ык! Зах-ходи... — и облапил Валова.

Бригадир поздоровался со всеми за руку. Один, худощавый, поморщился от его рукопожатия.

— Экий ты болезный, капитан... — усмехнулся рыбак.

Валову, лишь только он сел, протянули стакан с водкой. Александр отодвинул руку с угощением.

— А это кто такой?.. — спросил невысокий черноволосый желтолицый мужчина в аккуратном, еще не полинявшем полушубке. Он как-то брезгливо кивнул в сторону Денискова.

— Володя, — сказал бригадир, обращаясь к большому светлослому мужчине, с которым только что обнимался, — возьми Бориса. Ему в Тюмень надо до праздников поспеть. У меня он лето робил, свой парень-то.

Светловолосый уставил на Денискова затажелевшие карие глаза:

— Ну-у, если свой... о чем речь! Садись, парень. — Борис понял, что старший тут именно этот человек, и подчинился его приказу, сел рядом. Владимир положил на его плечо массивную лапу, одобрительно осмотрел незнакомца и протянул тот же стакан, что предлагал Валову. — Давай, брат, за знакомство.

Денисков чокнулся за знакомство с Владимиром, потом с Николой, высоким синеглазым хохлом, пожал руку капитану, который не назвал своего имени-отчества. Помощник капитана, бородатый парень в джинсах и свитере, был вежлив до церемонности, и Борис решил, что он из тех интеллигентных романтиков, что понаехали сейчас на Север в неслыханном количестве. Моторист обратился к Денискову на «вы», чем привел Бориса в немалое смущение. Но скоро он обнаружил, что и к другим романтик обращается так же, и забыл о первоначальной неловкости. Парня этого звали Андреем. Коренастый башкир сделал вид, что не замечает новенького. Борис еще отметил, что он в отличие от других почти трезв. С Борисом он тоже не выпил. Это обидело Денискова. А Володя ему понравился. Этот неторопливый, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти казался добродушным, покладистым человеком. Происходя из среднерусских мужиков, он быстро обжился на Обском Севере и теперь сам называл себя сибиряком. Ему нравилось быть сибиряком: он любил пельмени, тройную уху, охоту, речной простор, вертолеты, таежные избушки. Об этом он и говорил под сильным хмельком новому благодарному собеседнику. И даже не обиделся, когда Борис язвительно вставил:

— Да-а, Володя, у тебя губа не дура. Тройную уху кто не любит, только дай отведать...

— Я на Оби! — он стукнул кулаком по хлипкому столу. — Я-то на реке! Вон она, рыба-то... подо мной,

я ее сквозь посудину нашу вижу... — Володя погрозил кулаком в пол кубрика.

— Не только под тобой... — усмехнулся бригадир Валов. — И над тобой... — показал пальцем на потолок. — На палубе-то вон сколько ящиков!

Светловолосый недоуменно уставился на Валова, тяжело ворочая мозгами, наконец сообразил, рассмехался:

— Ха... Сашок, а ты юморист... Правда, добыли маленько рыбешки на зиму, брат. Надо. Ведь нынче последний рейс!

— Добыли!.. — вполголоса обронил бригадир. — Знаем мы таких добытчиков.

Борис краем глаза заметил, как поморщился опасно чернявый — наверное, услышал реплику рыбака. Впрочем, Борису уже было безразлично, он решил не обращать на него внимания. Остальные обитатели кубрика казались ему хорошими хлебосольными парнями: ему нравилась уверенная размашистость Николы, приятно щекотала самолюбие городская вежливость Андрея, а лицо капитана, изборожденное морщинами, говорило о дальних странствиях, немеренных водных пространствах, океанских штормах...

Бригадир засобирався, пспрощался со всеми, кизнул Борису:

— Выйдем-ка наверх, пару слов скажу.

За Валовым и Денисковым на палубу вылез и Володя. Он подхватил под руки обоих, словно пьяный, но заговорил вполне соображающим голосом:

— Саша, ты мне свежатишки не подбросишь, а?

— Налима, что ли?

— Ну-у, налим само собой... Я говорю о рыбе. Нельмушки, максимчиков пару ящиков... Лично мне, не этим... Сам понимаешь!

Бригадир молчал, зажевав в зубах папиросину.

— Ну что молчишь?! Мало я тебя катерами выручал!..

— Ладно уж, пошли. Ящик-то утащишь?

— Я-то? Хо-хо... Сашка, ты еще не знаешь меня, да я рыбу-то и после ведра водки утащу.

— Когда отходишь?

— Да сейчас прямо и отчалим, тебя только и ждал. Да ты не бойсь, друга твоего в обиду не дам.

— Куда заходить будешь?

— Ну-у, может, пошустрим кое-где. Я тут две осетровых ямины приметил, шалят на них мужички. Пошустрим...

— Не нарвись на самопал.

— Огня бояться — осетра не жарить, ха-ха...

На пристани из темноты дышащего холодом сарая Валов вытащил два ящика с рыбой, потом еще пошарил там и вынес мешок, поставил перед Денисковым.

— Тут гостинец тебе, Борис, за выручку. Лично от меня... — Александр насмешливо покосился на Володю, передразнив его недавний полусшепот. — Лично от меня. Да посмотри, что там. Посмотри, говорю тебе.

Борис развязал мешок, в неверном свете фонаря на пристанском столбе рассмотрел большой кусок осетра, отодвинул его — там лежали две небольшие нельмы и внизу несколько увесистых муксунов — из мешка ударил в ноздри густой дух домашнего посола.

— Божественно! — невольно вырвалось у него.

Ящики принесли и забросили на носовую палубу. Александр крепко сжал плечи Деникова. Борис увидел в сумраке его грустную улыбку, с чувством пожал руку товарища.

— Чтоб ты не удивлялся, Боря, — совсем уже шепотом сказал на прощанье рыбак, — предупрежу тебя... Это катер рыбнадзора.

...Внизу продолжалось застолье. Володя уже сбросил полушубок, расстегнул рубаху. Великодушным жестом он, как и в начале знакомства, указал Деникову место рядом с собой.

— Ты с Санькой-то друг, выходит? — серьезно спросил он, словно еще раз желая убедиться в чем-то.

— На путине в его бригаде работал. Ну, сошлись характерами, как говорится.

— А я что говорил! — Володя опустил на стол большущий кулак и со значением посмотрел на чернявого. — Ты мне, Авзал Гизатыч, мозги не пудри. Я русского парня с первого раза насквозь вижу... Давай вздрогнем, Борис...

Башкир все с той же высокомерной гримасой поднялся со стула и пошел в носовой закуток кубрика, бесцеремонно развалился там на капитанской постели, бросил оттуда язвительно-пренебрежительно:

— Мне что! Нажрешься вот с ним, и все дело прогорит.

— Не напьюсь... — с пьяным благодушием ответил Володя, махнул рукой и доверительно наклонился к Денисову. — Не рад уж, что связался с этим чертом... А куда денешься, без катера мне нельзя.

— Ты рыбнадзор, что ли?

— Сашка сказал?.. — настороженно спросил Володя.

— Ага.

— Ну, скажу тебе честно... нравишься ты мне... не рыбнадзор я, а старший инспектор эн-тэ-и по маломерному флоту. Это вроде ГАИ, понимаешь, только на реке, навигационно-техническая инспекция.

— Теперь, значит, и до Оби добрались? — неодобрительно хмыкнул Денисов.

— Порядок наводим. Все лодки и шлюпки под номерами, моторы на учете. Правила движения и все такое, брат, дело серьезное! Обь — это ведь большая дорога.

— А рыбнадзор?..

— Нештатный инспектор рыбнадзора перед тобой... — Володя выпятил грудь и дурашливо ударил в нее кулаком.

— Хватит болтать-то, — донеслось из носового отсека.

Володя досадливо отмахнулся от ворчуна, поставил локти на стол, сунулся всем корпусом к Денискову:

— Сегодня ночью идем на осетровую яму. Будем брать браконьера. Ты как?.. — Зрачки инспектора сузились, смотрели на Бориса испытующе прицельно.

— Это интересно! Чем могу помочь? — Борис заволновался: предстояло приключение.

— Без дела не останешься. Да ведь стрельба будет, а?..

— Какая стрельба?

— Браконьер, брат, без ружья нынче не ходит по реке.

— А-а... — Денисков поежился.

— Не испугаешься?

— Что я, стрельбы не слышал! — отрезал он. — Вы небось тоже не с голыми руками?

— У меня, кроме ракетницы, ничего нет. Но в умелых руках это... такое оружие, я те дам!

Денисков не обратил внимания, как выскользнул из кубрика моторист Андрей, а за ним ушел капитан. Зарокотал дизель, пустые стаканы на столе мелко зазвенели. Минут через десять, когда Володя отвалился к стене и мгновенно захрапел, Борис обнаружил, что катер качает на волне и весь он содрогается в ритмичной ходовой работе. Пересев на противоположный диван, он тоже задремал.

Проснулся Денисков от первого же прикосновения: Володя нависал над ним, загораживая электрическую лампочку. Он был уже в полушубке, ондатровой шапке, отчего казался еще шире и внушительней.

— Вставай, Борис, — энергичным басом гремел инспектор. — Подходим к Петрушкиной яме.

Какая яма?.. При чем здесь он, Денисков?.. Что это за Володя?.. — кружилось в заспанной голове, но разом вспомнились вечерние разговоры... Борис живо вскочил, суетливо натянул протянутый ему брезентовый рыбацкий ватник.

— Я готов, — возбужденно сообщил он.

— Вижу. Так не боишься? — снова испытующе прицелился Володя.

— Возьмешь с собой? — вместо ответа спросил Денисков.

— Давай... Обстреляем тебя... — усмехнулся инспектор и достал с верхней полки ракетницу. — Вот наше оружие. — Володя рассовал по карманам еще несколько цветных патронов из картонной коробки.

Катер стоял на якоре, покачиваясь на тихой волне. Из-за тумана в трех метрах нельзя было ничего рассмотреть. На палубе бесшумно двигались Никола и моторист Андрей, они спускали за борт дюралевою шлюпку. Шлюпка громко ударилась о борт катера — подошедший инспектор зашикал на неосторожных парней. Но в таком густом пористом тумане звуки вязли, как во взбитой пене, глохли в тесной замкнутой сфере над судном. Никола прыгнул в лодку, принял из рук Андрея «Вихрь», начал прикручивать его на корме лодки.

— Ты, Никола, близко-то не подходи, сторонкой обойди, чтоб не вспугнуть. Будто сам такой же добытчик. Да все разведай как следует, — наставлял приглушенным хрипом Володя.

— Знаю, не учи ученого.

Шлюпка на малых оборотах отвалила от катера и мгновенно пропала в тумане. Инспектор и остальные вернулись в кубрик.

Минут через пятнадцать за иллюминатором послышался приглушенный шум подвесного мотора, потом сверху в кубрик спустился забрызганный волной Никола, стал докладывать:

— Значит, так, шеф, на яме тот самый, кажись, что ушел от нас позавчера. Шлюпка его, без номера... В общем, он это, точно.

— Неважно, он или не он... Нам все равно. Накроем на месте, и хорош! — перебил инспектор. — Ты обстановку доложи.

— Ну... на том же, значит, месте. Снизу к нему не подойти, мелко, катер не пролезет. Надо подбираться сверху.

— Ну да! А он в это время низом и убежит от нас, — буркнул инспектор.

Володя встал, застегнул полушубок и сообщил тоном приказа:

— Мы с Борисом заходим на шлюпке сверху. После красной ракеты вы гоните катер к Петрушкиной яме. Мимо вас он проскочить не должен, я это место знаю... Побежит, так прижимайте его к берегу, там коса очень мелкая, на моторе там тоже не пройти. Поняли? Вот и накроем гаврика.

Никола вскочил красный и злой:

— Я лодку этому молокососу не дам! — рубанул он ладонью. — Запрет мне мотор!

Инспектор жестко прищурился:

— Дурак ты, однако, паря, как говорят остяки, и не лечишься! Я, наверно, думал, что сказать, а?! Этот, — Володя кивнул на Денисова, — с твоим вентилятором уж как-нибудь управится. А ты на катере нужен, к яме его поведешь... Капитан дорогу не знает. Усек?.. То-то же! Заседание штаба закрываю... — инспектор рассмеялся.

Они сразу провалились в туман, через несколько секунд не только катера не стало видно, но и силуэт инспектора на корме лишь темнел бесформенной массой. Борис напряженно вглядывался вперед, но туманные дымы шли над водой так плотно, что у него возникло странное ощущение, будто зрачки его глаз затянуло мутными грязно-серыми бельмами. Испугав-

шись, он сильно зажмурил глаза, пока не поплыли оранжевые круги, потом повернулся к корме, разомкнул веки — инспекторская туша, слава богу, чернела на прежнем месте.

Лодка описала широкий полукруг, и Денисков в туманной бреші с трудом разглядел береговую полоску; теперь они шли, прижимаясь к берегу, повторяя его прихотливые изгибы, Борис догадался: чтобы звук мотора не разбежался вперед.

Еще минут через пять инспектор направил шлюпку к берегу, заглушил мотор, не спеша закурил. Борис последовал его примеру. Докурив папиросу, Володя поднялся с кормы, подтолкнул напарника на свое место у мотора, приказал приглушенно:

— Поведешь лодку. Да следи за моей командой... Болтать тут некогда. Сначала пойдешь на малых, а как махну — давай на всю катушку, полный до отказа, куда покажу...

Инспектор оттолкнул лодку от береговой дернины, вынул ракетницу. Осторожным, рыскающим маневром они опять пошли вдоль берега. Сквозь рокоток мотора Борису слышался недалекий стук уключин. Инспектор не оборачиваясь выставил за спину правую ладонь щитком: внимание! Потом он перехватил в эту ладонь ракетницу, поднял вверх дулом — раздался трескучий хлопок, и через мгновение над туманной речной подушкой зависла красная ракета.

— Давай! — рывкнул инспектор, быстро перезаряжая ракетницу.

Лодка вздыбилась на одном месте, кипящий бурн чуть не захлестнул магнето мотора, обдал сплошными брызгами брезент куртки Денискова. «Если б на носу не было груза, — машинально подумалось Борису, — перевернуло бы шлюпку, как пить дать». Лодка стремительно летела вперед, мощный мотор завывал оглушительно, на верхнем звенящем пределе. Они вырвались из береговой густой мглы, и в более

светлой полосе впереди Борис увидел силуэт лодки и человека в ней, даже не силуэт, а смутную тень. В тот же миг навстречу донесся рев второго мотора.

— Гони-и! — ревел инспектор.

Денисков выжимал из «Вихря» все, на что тот был способен. Расстояние между лодками резко сократилось. Борис понимал, что пока это результат их неожиданного появления и растерянности рыбака, застигнутого врасплох. А вот что будет дальше, покажут моторы. Свой мотор он не знал, не был уверен в нем. Но скоро он заметил, что неумолимо настигает шлюпку браконьера — вот уже стало видно, что лодка убегающего окрашена в голубой цвет, а мужик сидит спиной не оборачиваясь, и на нем зимняя шапка с опущенными ушами. Когда между лодками оставалось метров десять, инспектор вытянул вперед руку с ракетницей и заорал:

— Сто-ой! Стой... Стрелять буду!..

Мужик наконец обернулся на крик, увидел оружие, пригнулся в лодку, не выпуская румпель мотора.

— Заходи справа, — скомандовал инспектор.

И в этот момент в моторе Денискова что-то споткнулось, Борис почувствовал сбой рукой — «Вихрь» чихнул и заглох.

— Ну что там?! — взбесился инспектор. — Какого черта ты!

Денисков дернул шнур стартера, мотор успокоительно зарокотал. Осторожно прибавляя обороты, Борис снова вывел шлюпку в стремительный полет. Он был просто счастлив, что погоня продолжается, что каждую минуту расстояние между лодками снова беспощадно сокращается. Володя опять вскочил на носу, наставил ракетницу.

— Глуши-и мотор! — орал он время от времени, лихорадочно оборачиваясь к Денискову: не заглохнет мотор?

— Ах ты гад! Стреляю!

Между лодками было уже метра четыре. Раздался резкий хлопок, точно вырвали тугой поршень из насоса, — дымная полоса ударила в переднюю шлюпку. Сначала послышалось густое шипение, потом Борис увидел дым и как в шлюпке браконьера мечется красный, брызжащий искрами уголь... Спина мужика впереди окостенела. Заходя справа, Борис увидел его восковое беспамятное лицо — мужик тупо и остолбенело смотрел на вертящийся под ногами сумасшедший снаряд.

— Прыгай в воду! В воду прыгай! — снова заорал Володя, и в голосе его Денискову послышался страх, он резко повернулся к Борису. — Держись подальше... счас бак рванет...

— Ба-ак рванет! В воду прыгай, сволочь! Жить надоело, скотина... — Голос инспектора сорвался.

Прежде чем отрулить в сторону, Борис успел заметить — снаряд крутился на деревянной решетке на дне шлюпки около самого бензобака.

— Прыга-ай!

Мужик в лодке вдруг встрепенулся, вскочил, заполошно размахивая руками, и мешком свалился за борт. Почти в тот же момент в его шлюпке снова зашипело, оттуда повалил черно-синий дым. Одновременно заглох и мотор преследователей. Борис автоматически крутанул ручку газа. Шлюпку подбросило на собственной волне, а потом ухнуло вниз. И в нем самом все ухнуло, освобождаясь от бешенства погони. Денисков уронил руки на колени и посмотрел на своего командира. Володя мял в руках ондатровую шапку, слипшиеся волосы его блестели, как набриолиненные. Губы растягивала ухмылка.

Наконец инспектор надел шапку, сдвинув ее на самые брови, спросил:

— Как он там... плавает?..

На борту чужой шлюпки Борис увидел стиснутые пальцы, из-за лодки там высывалось застывшее ли-

цо рыбака. Денисков бросился к веслам. Володя оттолкнул его, сел за гребни... Мужичок словно окостенел. Вдвоем они с трудом оторвали его от лодки и вытащили из воды, при этом чуть не перевернулись сами. В это время из туманного разрыва лениво, как спящее чудовище, прямо на них высунулся корпус ярославца.

— Куда прешь, Никола-а! — заорал инспектор, в его голосе теперь звучало радостное облегчение.

Катер по инерции вот-вот должен был наскочить на медленно дрейфующую шлюпку неудачливого рыбака.

— Назад! Наза-ад! — орал инспектор и подмигивал Денискову, успевая повторять вполголоса: — А ведь хотел убежать... убежать думал! А вот мы в шлюпке посмотрим, нет ли отягчающих...

Инспектор зацепил веслом борт трофейной лодки, подтянул ее к себе.

— Нет, ружьишка нет... — с укоризной сообщил он, заглянув в носовой отсек казанки. — Ну, твое счастье, брат, а то было б вооруженное сопротивление! За это, сам понимаешь!

Борис осторожно перешел в чужую лодку, проверил исправность мотора, потом пошарил в носовом отсеке: там что-то было замотано в мокрый брезент.

— Тут что-то еще есть, — сообщил он инспектору.

— А как же! — благодушно ответил тот. — Улов-то уже упаковал. Мы его под самый конец и накрыли. Осталось вот только сеть выловить — и все улики налицо.

Браконьера посадили на катер и поскорей запихнули в кубрик. Инспектор отдал капитану распоряжение:

— Ты, Максим Федорыч, дай человеку сухую лопатину. Вишь, бьет его как! А мне там надо осетрину оприходовать...

Мужичок в кубрике сидел скорчившись, странно вздрагивая одним левым плечом.

— Тебя как звать-то? — миролюбиво поинтересовался капитан.

Мужичок молчал, тупо уставившись перед собой.

— Э-э, да из тебя говорун никуда-а!.. — Капитан вытащил из-под дивана одежду.

— Вот на. Да поживей скидывай! Так ведь, брательник, концы отдашь! — рассердился капитан, видя нерасторопность нежданного гостя.

Мужичок долго и неуклюже стягивал с себя задубевший брезент верхней одежды, нерешительно замер, когда дело дошло до кальсон, но под строгим взглядом капитана смущенно распустил завязки и неловко выступил из упавшей мокрой тряпки. Забравшись в сухую одежду, он заметно повеселел.

— Счас бы курева?.. — сказал он. — Мое-то... — и безнадежно махнул рукой.

Денисков, заглянувший в кубрик, протянул ему пачку «Беломора», дал огонька.

— А звать-то меня Семеном... Петрушкин, значит, буду я.

Борис припомнил, как называл Владимир то местечко, где они ловили браконьера.

— Послушайте, Петрушкина яма — не по вашей ли фамилии названо место?..

Рыбак посмотрел на парня с болезненной гримасой. В его водянистых глазах, редковатых подпаленных бровях, в каштановой, тоже реденькой, бородке и тонких губах выражалась беспомощная застарелая обида. И весь он был неказисто-жалкий.

— Скоко помню себя, это место Петрушкиным звали... Тута отец мой промышлял, и дед осетришка брал... — Мужичок наконец разговорился, при этом он частил, употребляя сверх меры уменьшительно-ласкательные слова.

— И название, значит, ваше?

— Да имечко-то, паря, по деду... Тут дедушка наш утоп. Грят, осетришка большой утащил его в речку.

А я так смекаю, в лихверть он угодил, в самый синерко промышлять побежал на речку.

Мужик неожиданно вскочил со стула, потоптался на месте, размахивая руками, — сразу вспотел, вздохнул всей грудью, расправился. Он снова закурил и, видимо найдя в Денискове сочувствие, опять с нескрываемой застарелой горечью сказал:

— Обидно это, паря! Обидно... На своей речке свою рыбку уж не бери, не кушай. Дак как можно-то! Да много ль мне надо... Бра-акоренство, грят, да?.. Дед мой брал, отец брал, а как я промышлять на речку пошел — тут наvote, бра... брако... тьфу ты, шайтан!

— Ты это зря говоришь! — внушительно перебил его капитан. — Вам дай волю, так все изуродуете, уничтожите. Тут, брат, закон.

— Ага! — Рыбак даже подскочил на стуле. — Я тя звал на мою речку?! Ты прибежал сюда да срамишь везде... Рыбка-то счас керосином шибко вонят — какой это закон! Это закон, речки-то рвать?..

— Значит, надо было. Нефть искали! — Капитан даже обиделся.

— А то еще эти... сенера пустили! В Обдорской губе мешками рыбешку гребли, то есть этими...

— Тралами, — подсказал Денисков.

— Ага, тралами... Подчистую гребли. И максимчика, и нельмушку, и осетришка... чуть не тако выгребали! — Мужичок показал ладонь. — Это как, закон?!

— Сейчас восстанавливают запасы, — миролюбово вставил Денисков.

— Сперва ухайдакать, потом... а-а... — Мужик безнадежно махнул рукой. — Че с вами болтать-то!

В кубрик спустился инспектор, деловито сбросил на топчан полушубок, вытащил из нагрудного кармана пиджака расческу и не спеша, все так же деловито за-

чесал назад густые светлые волосы. Потом, широко угнездив на хлипком столе тяжелые уверенные локти, в упор посмотрел на рыбака.

— Оклемался, гражданин?

Мужик беспокойно заерзал под его взглядом, ничего не ответил.

— Та-ак, не совсем, значит. — Инспектор повернулся к капитану. — Кэп, дай-ка для сугреву что-нибудь.

Капитан принес початую бутылку.

— У нас разговор большой, — благодушно сказал инспектор и подвинул мужичку стакан. — И дело наше строгое. А пока за встречу...

Денисков изумленно наблюдал эту странную сцену — впервые он видел, чтоб так обращались с нарушителем.

— Дак ты украл, че ли?! — с неожиданным блеском в повеселевших глазах буркнул рыбак.

Володя рассмеялся, долил стакан до верхней кромки. Мужик выпил томительными мелкими глотками. «Пьяница...» — машинально отметил Денисков.

— Так вот, — удовлетворенно хмыкнул Володя, подмигнув Борису, видимо, он сделал такое же наблюдение, — дело у нас серьезное... Факт браконьерства налицо.

— Ты, паря, погоди... ты, паря, документ имешь какой? — ухмыльнулся задержанный, наверное почувствовав от выпитого прилив бодрости.

Володя улыбнулся ему как лучшему другу, протянул удостоверение.

— Ага... — прошептал мужик, хитро и недоверчиво рассматривая документ. — Ниче не поделаешь... Это я к тому, много лихих людишек-то по Оби шастает.

— Так будем протокол писать... или как? — врас-
тяжку сказал Володя.

Денисков уловил в словах нештатного инспектора
рыбнадзора странную нервозность, вроде неувереннос-
ти или намека на что-то...

Не получив ответа, Володя покраснел и, сдерживая
непонятную злость, достал офицерскую полевую сум-
ку, вынул из нее стопку голубоватых бланков, поло-
жил на бумаги авторучку. Делал он все это нарочито
медленно, внушительно, сердито поглядывая на хан-
та. Вконец растерявшийся браконьер совершенно не
реагировал на взгляды Володи.

— Фамилия? — жестко сказал инспектор.

— Петрушкин... — растерянно заморгал мужи-
чок.

— Имя, отчество?

— Семен Ампилич...

— Так вот, Семен Ампилич... — Володя печально
поморщился. — Неприятно, конечно, огорчать хороше-
го человека, но... давай посчитаемся... — Он сделал
многозначительную паузу. — Казанку мы у тебя и
«Вихрь» реквизируем. Это пойдет в пользу государ-
ства... Тут... туда-сюда... больше тыщи рублей с тебя
долгой, так?

Петрушкин побледнел.

— Дак это как... как это... отберешь, че ли? — ис-
пуганно привстал он.

— Теперь еще снасти свои из ямы подымешь.
По закону орудия браконьерского лова... изымаются.
Ну, и сам, брат, знаешь... за каждого осетра штраф по
полсотне рублей. А у тебя в лодке сколько голов?..
Вот все вместе сложи, и получится? — Володя надви-
нулся на Петрушкина всем корпусом, лицо его выра-
жало искреннее сочувствие.

Петрушкин беспомощно переводил взгляд с одного
лица на другое в немом истощенном крике: «Это как
же! Как же это?..» Денисков почувствовал в разыграв-

шейся перед ним сцене нечто намеренное, к чему клонилось дело. Иначе зачем эта комедия? Составить протокол, взять подписи, но не рвать же несчастному мужику нервную систему!

— Дак неладно это... — наконец прошептал Петрушкин. — Как же это на речке без лодки-то, без движка-то...

Борис оставил кубрик. На корме он сел на леер, закурил, переживая виденное и пытаясь найти объяснение происходящему. Грохнула дверь рубки, и, громко стуча тяжелыми меховыми сапогами, на палубу вышел Володя. Увидев Денискова, подошел, молча прикурил от его папиросы и со злостью выматерился.

— Ты чего? — удивился Денисков.

— Да... — Он опять выругался. — Дур-рак попался! Я ему то да потому, то да потому, а он хоть бы хны!.. Выставил буркалы, тьфу!

— Так испугался ведь, такая сумма...

— Я ему и так и сяк намекаю, а он... Ну до чего тупой! Давно бы полюбовно разошлись, ха!

Борис наконец все понял. «Вот для чего комедия, — сообразил он. — Так и я тупым оказался, как мужичок тот. Протокол... Вся эта канитель... А можно, выходит, разойтись, да-а, дела-а...» Денисков почувствовал, как заливается огнем его лицо, он даже сжался весь, словно кто-то хлестал его по щекам.

— Ну да Никола сейчас намекает... — успокаиваясь, с усмешкой сообщил Володя, не заметив реакции отвернувшегося Денискова. — А не согласится, дадим законный ход. Такого дурака и не жалко.

Когда инспектор и Денисков вернулись в кубрик, Никола с хантом чокались гранеными стаканами и улыбались, довольные друг другом. Красивое чистое лицо Николы выражало расслабленное добродушие, какое обычно возникает после удачно разрешенной

проблемы. Он поднял глаза на вопросительно-ожидающее лицо инспектора и многозначительно подмигнул. Володя шумно вздохнул всей грудью, швырнул шапку на диван и сам повалился туда же в изнеможении, в каком не было ничего от недавнего показного, наигранного. Денисков проследил реакцию остальных обитателей катера: ночные глаза Авзала Гизатовича с прежним напряженным недоверием смотрели именно на него. Интеллигентный помощник капитана, кажется, оставался равнодушным к происходящему. Морщинистое лицо старого капитана, налитое нездоровой алкогольной краснотой, вовсе ничего не выражало. Зато Семен Петрушкин так и светился от неожиданной радости. Его мелкое рябоватое лицо в счастливых морщинах у сузившихся заблестевших глаз стало словно бы еще мельче. И еще в лице мужичка-браконьера безошибочно и недвусмысленно читалась укоризненная мысль: «И как это я сразу не допетрил!..»

Петрушкин любовно огладил взглядом Николу как своего спасителя, но инспектора встретил еще с легким испугом, физиономия его напряглась в вопросительном ожидании.

— Что это за радость у вас? — с ласковой строгостью спросил Володя. — Что обмываете, хлопцы?

Никола кивнул Семену. Тот сразу подхватился и уже на верхней ступеньке у двери прошептал то-ненько:

— Я счас, начальник... Шибко быстро сбегая, счас...

За Петрушкиным хлопнула дверь рубки. Взревел подвесной лодочный мотор. Володя, Никола, Авзал Гизатович переглянулись и захохотали.

— Комедия... Да ты актер, Владимир Егорович... Не знал... — мелким баском сдержанней всех смеялся башкир. Он же первым и оборвал смех. — А не надует он нас?

— Я местных ребят изучил, — самодовольно бросил сквозь смех Володя. — Их расколоть трудно. Но если уж слово дадут, умрут, а сделают.

Все происходящее уже не казалось Борису таким мерзким и противным, как некоторое время назад. Искренний беззаботный смех компании обезоруживал, а ситуация казалась теперь даже забавной. Он посмеялся со всеми. И впервые за все путешествие уловил на себе потеплевший, почти дружелюбный взгляд Авзала Гизатовича. Вспомнилось хорошее впечатление при встрече с этими мужиками. Подумалось, что наверху теперь действительно неприятно и мерзко: палуба обледенела, вода за бортом загустела от холода, как нефть, по Оби дрейфуют грязно-белые материки оторванного ударной волной ледяного припая, идет по Оби шуга, стынет все вокруг, а небо над головой стало и вовсе ледяным. И только маленький человеческий мирок сохранил в этом ноябрьском холодном пространстве свое дружеское, компанейское тепло. Останешься сейчас один на один с Севером — пропадешь.

И в то же время Денисков с предательской веселостью думал: «А как-то запляшут они, если Петрушкин надует их! — И ему чертовски захотелось, чтобы Семен надул добытчиков. — Интересно, дал бы тогда Володя законный ход этой дурацкой истории?..»

Примерно через час о борт катера мягко стукнулась моторная лодка. Компания сидела в это время в полном составе в теплом кубрике, никто не полез наверх, на холодную палубу встречать ханта, хотя все отчетливо слышали крик:

— Э-э-эй, паря! Сенька Петрушкин прибежал, встреча-ай!

Из кубрика никто не отвечал на голос.

Наверху слышались неуверенные шаги, бормотанье...

В кубрик скатился, поскользнувшись, Петрушкин.

— Вы че, а?.. Тут у вас неладно, че ли, помер кто?.. — Тенорок Петрушкина дрожал испуганно и обиженно.

Дружный хохот встретил его. Смеялись все. Володя прямо гоготал, сотрясаясь всем телом и глотая воздух раздувшимся горлом, Авзал Гизатович смеялся с истеричными степными взвизгиваниями, захлебываясь гортанным клетотом. Капитан побагровел до апоплексического огня. Никола хохотал широко, с наслаждением, словно песню пел. Моторист Андрей смеялся по-мальчишески заливисто. Денисков тоже не мог удержаться от самозабвенного смеха.

— Я шибко так бежал, а вы!.. — обиженно вскрикнул Петрушкин.

Володя первым оборвал смех, поднялся, надевая полушубок. Все повалили за ним на палубу. Разгоряченные смехом, добытки не замечали ни пронзительного северного ветра, ни ледяной коросты под ногами на палубе. Со смешками, весело из браконьерской шлюпки поднимали осетров, ящики с другой ценной рыбой. Сначала в ящиках шел сырок, и Авзал Гизатович с недоброй усмешкой толкнул инспектора, тот лишь отмахнулся. А когда Семен подал ящик с муксунами, Володя сам толкнул чернявого — да так, что тот чуть не улетел за борт. Потом Петрушкин подал позванивающий ящик с водкой. Капитан, суетившийся без толку вокруг погрузки, мешавший всем, сладко улыбнулся на этот звон, крикнул и суетливо подхватил ящик с зельем. Наконец, не доверяя никому, Семен сам вытащил на палубу объемистый берестяной туес. Денисков машинально подумал: «А вот и главное — черная икра». Ящики с рыбой поставили на носу в соседстве с добытыми раньше, затем тщательно затянули всю ценную кладь брезентом — надо было полагать, на этом рыбацкая страда дружной компании завершилась.

— Ну-у, теперь, мужики, все! — словно подслу-

шав догадку Бориса, заключил Владимир Егорович, нештатный инспектор рыбоохраны. — Теперь курс на Сургут, по домам, на зимние квартиры, как говорится. А на прощанье присядем на минутку...

— По старому русскому обычаю, хе-хе... — вставил Авзал Гизатович.

Опять всем гуртом повалили в кубрик, в обжитое тепло. Только Никола благоразумно кинул взор вокруг и пробормотал раздумчиво: «А ведь убираться пора. Не дай бог, вмерзнем в Обь».

Гуляли до позднего вечера. Как-то незаметно исчез из кубрика Семен Петрушкин. Первым спохватился Володя. Семен во время пирушки сидел слева от него. По привычке инспектор потянулся чокнуться с нарушителем, чтобы отколоть очередной каламбур, — и на миг протрезвел:

— Мужики, а где Сенька? — в тревоге обвел он взглядом кубрик.

— Может, в галюн пошел, — предположил капитан.

— Надо поискать!

Сразу все зашевелились, вылезая из-за стола, бестолково кинулись к дверям, мешая друг другу.

— Куда вы! — начальственно остановил башкир. — Пусть моторист один сходит!

Андрей бодро выскочил наружу, скоро он вернулся, доложил, что рыбака нигде нет.

— А лодка его? — тяжело выдохнул Владимир Егорович.

— Н-не знаю... Парень спохватился и снова бросился наверх. На этот раз он вернулся еще быстрее, с сообщением, что шлюпки браконьера нет.

— Андрей, к дизелю! Максим Федорыч, в рубку!

Рыскающим курсом летел «Зюйд» к деревушке, где жил Семен Петрушкин. Трудно было понять, по какой

причине дергало ярославец из стороны в сторону: то ли такими галсами искали шлюпку рыбака, то ли капитан никак не мог обрести трезвость, во всяком случае, луч прожектора с катера шарил по темным обским волнам, нигде не находя лодчонки.

Шлюпка Петрушкина, его казанка без номера, болталась на прибрежной волне у причала хантыйской деревушки. Владимир Егорович спрыгнул с палубы «Зюйда» на мокрый песок, осмотрел лодку: ни мотора, ни весел...

— Во-о мужик! — с уважением пробормотал инспектор. — Кажется, обошлось... Все в порядке. Теперь, ребята, без шуток, идем домой! — сообщил он твердым голосом.

VII

Ночью Кострецкий посадил катер на мель.

Капитан очнулся на штурвале, когда судно бешено задрожало, дергаясь всем корпусом на жестком и в то же время податливом препятствии, податливом в какой-то странной вязкой упругости. Протерев глаза, еще ничего не соображая, он упрямо давил ручку, пока дизель не захлебнулся на верхней воющей ноте. Боясь поверить в реальность случившегося, Кострецкий воровато пробрался в носовой жилой отсек, растолкал Андрея и свистящим шепотом попросил (не приказал!) его пойти в машинное отделение. Через две-три минуты после появления моториста дизель снова зарокотал на успокоительных низких регистрах. Дав машине разминку, капитан решил мощным рывком преодолеть неизвестное препятствие. «Зюйд» стремительно сорвался с места, проскочил какое-то ничтожно малое расстояние, но лишь для того, чтобы яростно удариться о новую, более жесткую стену.

Удар был так силен и резок, что вниз, в кубрике, с грохотом полетел и воткнулся в дверь носового за-

кутка и застрял там дюралевый стол; на пол посыпалось все, что осталось неприбранным после вечерней гулянки. От этого грохота очнулся и вскочил Володя. Он, мгновенно оценив ситуацию, одним прыжком выскочил в ходовую рубку.

— Кострецкий! Ты с ума сошел?! — бешено выдохнул он, столкнувшись с капитаном лоб в лоб. — В чем дело, пьяная сволочь? Я тебя спрашиваю!

Кострецкий словно онемел.

А дизель катера рвал нервы скрежещущим звоном. Инспектор оттолкнул капитана от штурвала и рванул на себя ручку. В рубке наступила тишина. Тяжело звякнула дверь, с палубы зашел моторист.

— Хоть ты, парень, объясни, в чем дело? — упавшим голосом обратился к нему Володя.

— Дело ясное. Сели на мель. И красиво сели!

— Куда же этот черт смотрел?!

— Поить надо больше... — буркнул Андрей.

Скоро в рубке стало тесно. Все курили, молчали. Казалось, никто ни о чем просто не мог думать: так нелепо было случившееся — сесть на мель посреди громадной полноводной сибирской реки.

Владимир Егорович чувствовал себя отвратительно: голова в затылке затяжелела, все тело утомительно и болезненно ныло. Авзал Гизатович некоторое время смотрел на съезжившегося капитана мстительным запоминающим взглядом, потом подчеркнуто аккуратно затушил папиросу в жестяной банке и удалился вниз, весь прямой и неприступный. Поза и выражение лица моториста Андрея ясно говорили окружающим: мое дело маленькое, катер заporол не я. Один Никола сохранял какое-то деловое спокойствие. Как и башкир, он аккуратно приткнул окуроч в банку — он вообще отличался обстоятельностью и аккуратностью — нахлобучил свою белую заячью шапку на самые глаза и вышел на палубу. Денисков понял его намерение и вышел следом.

Из ходовой было видно, как Никола и Борис пробрались на нос «Зюйда». Хохол что-то высматривал там в направлении прожекторного луча, потом протопал за рубку и вернулся на нос с двумя баграми. Они разошлись по разным бортам и прошли к рубке, периодически тыкая шестами в темноту, промеряя глубину вокруг катера. Тяжелые сапоги прогремели мимо затемненной рубки, теперь они прошли на корму. Все ждали результата их действий.

— Дрянь дело, хлопцы, — вернувшись в рубку, спокойно сообщил Никола. — Сели прочно. Кругом полметра... И угораздило тебя, Максим Федорыч, так забуриться. Не сели, а прямо вползли на песчаную косу.

С кормы пришел и Денисков.

— Ты, Кострецкий, движок зря заглушил, — посоветовал он уверенным тоном знатока. — Задействуй винт, и пусть он вымывается пока... а то присосет дно, тогда каюк, будем зимовать здесь.

— Парень прав, — кивнул Никола. — Работай потихоньку, а я на разведку схожу.

— В какую сторону вымываться?.. — потерянно вздохнул Кострецкий.

— А ты что, — вскипел инспектор, — задницей сюда вперся?! Носом залетел, так и пяться раком!

Снова зарокотал двигатель. Сразу у всех стало спокойней на душе.

Денисков помог Николе спустить за борт шлюпку, предложил свою помощь, но Никола отмахнулся, кивнув на рыжее дно с отчетливо видимыми застругами от зыбкой волны на песке: в таких условиях каждый лишний килограмм — помеха. Когда он сделал первый гребок (сразу на моторе идти было невозможно), из-под весел всплыли желтые пузыри песка и раздался дерущий по коже скрип. Скоро шлюпка пропала в черноте ноябрьской ночи.

Идти к товарищам не хотелось. Борис присел на выступающий под брезентом угол ящика. Из катера приглушенно доносились звуки человеческой жизни, но скоро его слух перестал воспринимать их. Он долго смотрел туда, куда пытался дотянуться луч прожектора, но скоро в глазах у него зарябило. Пошел снег. Пошел мельчайшими точечными снежинками. В луче света казалось, что это и не снег вовсе, а осыпается морозный ночной воздух, осыпается под шепот медлительных волн томительно долго замерзающей реки. В природе шел задушевный разговор двух стихий. Борис закурил — табачная теплота в горле напомнила о человеческих поселениях, заброшенных сюда, крепко заякоренных в этих немеренных просторах. Вспомнилась крохотная деревенька Сатыга, чистенький домик медпункта...

— А я глупая, правда? — однажды она спросила его. — Ведь сама напросилась в такую глушь.

— Ты глупая умница, — сказал он, — а то мы не встретились бы никогда...

— Я мечтала, как в пургу пойду на лыжах в дальний урман к умирающему охотнику или рыбаку... и спасу его, бедненького.

— А вместо этого пришлось вытаскивать занозы из дубовой спины Борьки Денисова.

— Ага. И спасла пока что одного его. Спасла, а? Скажи, Боря...

— Угу... ты спасла его от рыбацкого одиночества.

— И погубила себя...

Неужели она говорила такие слова? Погубила себя... Или сейчас ему чудится, будто она говорила так. А может, она уже предчувствовала, что все у них именно так и кончится.

— Ты уедешь, забудешь меня... Я погорюю-пого-

рюю и выскочу замуж. Научусь рыбачить, возиться со всякими шкурками.

— Заведешь трубку... Ненецкие женщины в Яр-Сале до сих пор курят трубки.

— Ага... У меня будет сиплый голос и обветренные губы. Может, стану охотницей.

— Станешь знаменитой охотницей. О тебе будут писать в газетах.

— Да... И вот однажды меня привезут в Тюмень на слет... В Тюмени я совершенно случайно встречаю тебя, Бориса Александровича Денисова... — Она заплакала.

Вспомнив те Ритины слезы, Борис заволновался, вскочил и принялся быстро ходить по палубе. Щемящее чувство потери вдруг отчетливо прорвалось в нем, из мира подсознательных движений в само сознание. И он впервые за все прошедшие после отъезда из Сатыги дни признался себе: тогда, в лесу, обидел он ее. И он подумал еще, что можно было спасти любовь. Попробовать спасти... А он движется все дальше и дальше от деревеньки Сатыги и от Риты... Борис закрипел зубами и закричал что-то бессмысленное и задавленное.

— Ты чего кричишь, Борис? — раздался совсем рядом голос Николы. Его шлюпка стояла под правым бортом катера.

Никола подтянулся на руках и ловко впрыгнул на палубу.

— Ну как там?.. — автоматически спросил Денисов, не сразу приходя в себя.

— Кострецкий у нас геро-ой. Это не каждый такое отчубучит! Ты знаешь, мы сидим посреди Оби... — Никола сделал многозначительную паузу с усмешкой. — Посередке песчаной косы.

— Намертво, значит, сели?

— Значит, brave капитан спал на штурвале, а «Зюйд» в это время брюхом полз по косе, — Никола рассмеялся, — пока воды совсем на стакан осталось под днищем. Не-ет, я тебе скажу, замечательный у нас кораблик. Ему бы еще крылья...

— Что разведал-то?

— Одна надежда: если кто согласится продернуть нас через косу.

— Да на Оби-то пусто.

— Тогда вымываться задним ходом... Ну чего брехать-то, пойдём к начальству.

В кубрике было, как всегда, тепло и, несмотря на мужской беспорядок, уютно. Поэтому и совещание проходило без особой нервозности, миролюбиво.

На суд корабельной общественности было представлено несколько вариантов спасения. Капитан, потеряв уверенность в своей посудине, сразу же ухватился за мысль о посторонней помощи.

— Товарищи... — укрепившись в этой идее, то и дело высокопарно произносил он, — товарищи, поймем проходящий, и баста! У нас ведь рыбка есть, рыбка ведь у нас... Подбросим пару ящичков, и баста!

Но жертвовать, хоть и двумя ящичками рыбы, особенно не хотелось Авзалу Гизатовичу. Правда, вариант о посторонней помощи не исключал и он. Авзал Гизатович предложил другой способ:

— У нас есть шлюпка... Перевезем все на берег, разведем костер и будем ждать попутный транспорт.

— А катер?! — подскочил Кострецкий.

— Катер?.. Хм-м... Экипаж останется на судне. А из Сургута я вышлю помощь.

Третий вариант уже не в первый раз высказал рассудительный Никола.

— Мы залезли... — начал он.

— Мы-ы! — ядовито хмыкнул Володя.

— ...залезли на косу метров на шесть-семь. Дизель

работает, винт, кажется, в порядке... я осмотрел винт. Попробуем вымыться задним ходом.

Решили вполне здраво: до рассвета вымываться назад и одновременно следить за фарватером в надежде на проходящий транспорт.

Опять Никола отчалил в своей шлюпке и в свете развернутого на корму прожектора поставил в двух-трех метрах позади катера две вешки, обозначив оптимальный коридор-створ для движения назад, к чистой воде. Денисков в очередной раз удивился необыкновенной деятельности этого парня: вот и вешки где-то ухитрился раздобыть. Закрепили штурвал на обозначенный створ, дали дизелю средние обороты и, несколько успокоенные, полезли опять в тепло кубрика: всем захотелось есть — после подобных нервотрепок аппетит разыгрывается зверский.

Моторист принес из камбуза дымящуюся сковороду, перед тем как поднять крышку, с некоторым смущением объявил:

— Вот, товарищи... макароны у нас последние.

Володя беззаботно рассмеялся, но, когда на дне объемистой сковороды увидел лишь жалкую горстку поджаренных мучных изделий, сердито сдвинул брови. И все в кубрике смутились.

— Ерунда, моторист, — хмыкнул Кострецкий, — раньше времени «полундра» не кричи. На военном языке это называется паникой. Рыба есть?.. Есть. Соль есть?.. Есть. Хлеб есть?..

— Полбуханки осталось, — вяло перебил его Андрей и достал из стенного шкафа несколько хлебных обломков.

В кубрике наступила серьезная тишина. Мужчины переглянулись. Денисков подумал: «Как же они так!» Авзал Гизатович укоризненно бросил инспектору: «Связался с вами, черт возьми!» Володя угрожающе прижал взглядом капитана: «Все у тебя... тьфу!»

— Ну ладно, — прервал тяжелое молчание Володя, — что же у нас осталось?.. Давайте подсчитаем.

Торопливо принялись считать. Энтузиазм при этом был прямо пропорционален печальной действительности. Выяснилось, что Ноев ковчег имеет в наличии: курева, в целом и разных сортов — пятнадцать пачек; спичек — семь коробков; почти полный баллон газа на камбузе; топлива — на сутки хода; соли — пачка, рыбы — несчетно, вся свежая; пять патронов для ракетницы, и все красного цвета. Когда Володя сообщил о патронах, обычно неразговорчивый моторист Андрей с интеллигентной улыбкой сделал комментарий, который несколько оживил компанию.

— Ракеты наступательного значения. Зеленых нет — отступить некуда...

Но бурю восторга вызвал последний ревизионный аккорд.

— А водки... — инспектор ухмыльнулся, — водки, братцы, в наличии... семь бутылок!

— Ура! С водкой русский человек не пропадет! — заискивающе воскликнул капитан Кострецкий.

Владимир Егорович, бросив на него убийственный взгляд, продолжал:

— Это что получается, мужики?.. Это выходит по одной и четыре десятых на брата, что в переводе на граммы... по семьсот грамм на нос. Хошь пей, хошь за борт лей.

Не успел инспектор завершить речь подобающим каламбуром, как возмущенно вскричал Кострецкий:

— Неправда это!

— Поясняю, — понизил голос инспектор. — Многоуважаемый водитель судна праздничной рюмки лишается. Причина, полагаю, не подлежит обсуждению.

Заботливый Никола во время ревизии покинул куб-

рик. Он вернулся к финалу инвентаризации с обнадеживающей информацией:

— Кажись, шевелимся, хлопцы.

Андрей приволок с камбуза большую кастрюлю отварного налима, две луковицы.

— Картошка тоже исчерпана, — не преминул добавить он.

— Да-а, закусочки бы поострей сейчас, — сказал Володя и посмотрел при этом внимательно на Денискова.

Бориса сначала удивило такое обращение именно к нему, но тотчас он вспомнил о своем мешке: ведь там лежит прекрасная закуска. Не раздумывая, он вскочил из-за стола:

— Я сейчас, ребята...

На палубе Денискова резко трянуло порывом ветра, и ему почудился запах дыма, человеческого жилья. «Должно быть, деревня рядом...» — подумал он, на мгновение забыв обо всем на свете. Захотелось поскорей добраться до жилья, а лучше всего до дому, до родных и близких людей.

За рубкой мешка с подаренной Саней Валовым рыбой не оказалось. Борис решил, что мешок мешал кому-нибудь и его переложили в другое место. Он пошарил за рубкой с другого борта. Но и там ничего не было. Начиная уже волноваться, он лихорадочно обошел надстройку машинного отделения, посмотрел на кормовом пятачке — мешка нигде не было. Тогда он бросился на нос, осмотрел все вокруг брезентовой горы с рыбой, даже заглянул в нескольких местах под брезент — безрезультатно. Обессиленный, он привалился к ящикам. Стал закуривать — руки дрожали, сломал несколько спичек. «Что же это такое?.. Куда же он мог подеваться?.. Не мог же в воду свалиться... И Петрушкин не взял бы... Да и какой рыбак украл бы чужую рыбу?! Украл... о чем это я! Да разве такое бывает у нас на Севере, на реке! Никогда не было...

О-о, черт возьми!.. И что теперь скажу мужикам, Володе... Инспектор подумает, что зажил ли рыбу, жалко стало». Вдруг в мозгу вскипела спасительная мысль: «Вот дурак, а! До чего додумался! Воровство... тьфу!.. Да, конечно же, кто-то из ребят прибрал рыбешку в сухое место. Стыдно, стыдно...» — ругая себя последними словами, Борис полез в кубрик.

Но, ступив в жилое тепло, притворив за собой створчатую дверь, Денисков почувствовал, как тает его надежда. Если б кто переложил мешок, то сейчас его встретили бы дружным смехом, кто-нибудь бы кивнул ему добродушно-насмешливо: мол, не егосись, парень, сейчас притащу твою сладкую рыбешку, а там уж сам выделяй на стол, сколь не жалко.

Никто не улыбнулся на растерянную физиономию Денискова. Все занимались едой. Борис еще заметил, что стаканы не тронуты. Лишь Володя встретил его удивленным взглядом.

— Проветриться, что ли, бегал? — с легким презрением сказал он.

— Сидай живей, мы тут без тебя не начинали, — благодушно, ничего не поняв, подхватил Никола.

«Что же такое? Какой-то кошмар!.. Никто ничего... Спросить сейчас?.. А если никто не признается?.. Промолчать? Инспектор, видно, тоже промолчит... Да, но как в глаза ему смотреть тогда!.. Но ведь никто ничего, все молчат!.. Да ведь не могла она сама в реку уйти, проклятье!»

— Ребята, там... у меня мешок с соленой рыбой... за рубкой лежал. Никто не перекладывал куда?.. — деревянным голосом произнес Денисков.

Теперь к нему обернулось все застолье. Но Борис не видел других лиц, он только заметил, как сразу сузились глаза Володи, на лице инспектора застыло удивление. Да, Борису сейчас важно было только одно

мнение, одна реакция этого парня. Черт с ней, с этой рыбой... Хор-рошая была рыбка! Ну и катись она... ему не жаль нисколючко. И если бы этот светловолосый нахрапистый парень тоже, как и другие, не знал о существовании деликатесного мешка, он, Борис Денисков, смолчал бы о пропаже. Не ссориться же со всей компанией из-за одного мерзавца, мелкотравчатого подлеца. Но Володя-то знает, что мешок был, был мешок.

Борис боялся смотреть на других товарищей, не мог, потому что каждый его взгляд был бы немым оскорбительным вопросом: «Это не ты?» Ему казалось, один только Володя может правильно понять его. Он с надеждой посмотрел на инспектора. Но лицо у того сразу вспыхнуло, побагровело, Володя отвел глаза.

Воцарилась, именно воцарилась гробовая тишина. Казалось, она повисла над людьми, сидевшими за столом, овеществленная, материализованная, одушевленная, хоть и без четких очертаний и формы — явилась неизвестно откуда и воссела, воцарилась за столом, в кружке людей и в то же самое время как-то над ними... воцарилась и сама молчит, жестко и вопросительно глядя в их души.

— А что в мешке-то? — деловым тоном спросил Никола, зачем-то сняв белую заячью шапку (он и за столом все время сидел в ней).

Этот спокойный хозяйственный вопрос охладил Денискова.

— Да ладно, ребята... — Борис сел на диван у входа.

— Не-ет! Ты уж не вертись, Борис! — крикнул инспектор.

— Ну-у, рыба соленая, копчушка...

— А она у тебя была? — с недоброй усмешкой бросил Авзал Гизатович.

— Бригадир Валов мне дал! — взорвался Денисков. — Я с мешком сюда пришел. Я положил его с

правого борта прямо за рубкой. Мне плевать на рыбу! Но среди вас есть вор! Кому-то из вас мало того, что у вас нахапано!..

— Да ты ведь пьяный на катер залез. Еле на ногах стоял. — Капитан поднял на Денискова бледные глаза в набрякшем обрамлении кроличьих век.

Кострецкий, казалось, уставился прямо в лицо Денискова, но Борис не мог поймать его взгляд. В зрачках спившегося капитана прочно угнездилась давняя и словно бы вечная пустота. Инстинктивное, еще не совсем осознанное ощущение истины явилось, и Борис через мгновение отчетливо понял: этот!

И удивительно, ему сразу стало легче дышать. Борису стало легко и просто, потому что теперь он мог честно смотреть в глаза остальным четверым товарищам. Он уяснил для себя, кто вор, а проблема пропавшего мешка его уже не волновала; и даже не из-за того не волновала, что с этой разнесчастной рыбой он уже распрощался... Он сказал, холодно и четко выговаривая каждый слог:

— Я пришел на ваш катер сов-вер-шен-но трезвым. — Это относилось к Кострецкому, а дальше уже и к остальным. — Но я не настаиваю на мешке с рыбой. Для меня этот вопрос ясен, и это главное. Извините меня, ребята...

Борис не успел договорить, его оборвал ледяной голос инспектора:

— А я настаиваю! Мы пришли с этим парнем вместе, — тоже с нажимом начал тот. — Он был с мешком. Я знал, что в мешке. Я намекнул ему сейчас о закуске, и он пошел за ней. А мешка-то, выходит, нет?!

— Мелодрама, — буркнул башкир.

— У нас полный катер рыбы, — усмехнулся Никола.

— Мешок надо поискать, — сказал моторист и выжидательно посмотрел на капитана.

— Ну шо зря брехать! — Никола достал с верхней полки из своего мешка китайский фонарик и вышел.

За Николой вышли Андрей и капитан.

Когда они ушли, Володя дружелюбно спросил у Бориса:

— Что там было-то?..

Денисков понял, что хотел выразить этим вопросом инспектор, и ответил с подтекстом:

— Да ничего особого... Малосольный сырок, штук тридцать, пара нельмушек копченых, несколько муксунов и еще кусок осетрового балыка.

— Найду-ут.

— Да мне плевать, Володя!.. Но какой народец на Севере развелся!

— Каких работничков держишь! — пренебрежительно процедил башкир, брезгливо запахиваясь в полушубок, словно отгораживаясь от окружающей грязи.

— Между прочим, у вас арендную, Авзал Гизатович, — ядовито ответил инспектор.

— Разве?.. — поднял брови тот. — Но теперь уж все равно... Кстати, он не знает?..

— Не бойтесь... Он здесь недавно. Говорят, приехал из Прибалтики, из тралфлота выгнали, наверно. С высшим мореходным! Ваши кадровики и ошалели от радости: такой кадр!

— Все равно теперь. Хоть бы не утопил нас. А дома немедленно выгоню.

Громко топая, в кубрик спустились Никола и Андрей. Первый нес мокрый мешок, с лица его исчезло всегдашнее добродушное выражение.

— И правда... Вот... Я уж грешил на парня, думал, сам где обронил! — чистосердечно и сердито объявил Никола.

Денисков совершенно равнодушно принял мешок, отметив, как заметно полегчал он, и небрежно прислонил к ножке стола.

— Не-ет, — остановил его инспектор, — ты уж посмотри содержимое и объяви, все ли на месте.

— Да все... на месте, — заглянув в мешок, с деланным равнодушием ответил Денисков.

Инспектор, уловив, как Борис споткнулся на миг, сам раскрыл мешок:

— Тэ-эк-с... нельмушки, максимчики... Тэ-эк... А осетрина, балык осетровый где? И ты говоришь! — Его лицо опять налилось кровью. — Где капитан?.. Тащите его!

Кострецкий сам явился на зычный глас Владимира Егоровича.

— Где балык?! — глухо спросил инспектор.

— Никакого осетра там не было, — озлобленно прохрипел бывший морской волк, но съезжился под взглядом, махнул рукой и тяжело покарабкался наверх. За ним снова отправился Никола.

Вскоре Никола принес осетрину и устало объяснил:

— В рулевом люке на корме спрятал старик.

VIII

Уже светало, когда на фарватере слева показались огни идущего снизу какого-то судна. Инспектор и Никола быстро отчалили ему наперерез. Остальные обитатели «Зюйда» столпились на палубе и напряженно ожидали их возвращения. Несмотря на недавний конфуз с рыбой, всех сейчас объединяло одно желание: поскорее выбраться из песчаной ловушки. Порывами налетал промозглый ветер, называемый северными рыбаками костоломом. С рассветом предутренняя сырость перешла в слабую морось, а минут через пятнадцать после отплытия шлюпки начался мелкий дождь. На всех, кроме Денискова, это навело уныние. Дожди-

чек густел, обещая зарядить надолго. С дождем и по-тепелело — вот это главным образом и заботило обитателей Ноева ковчега. Рыба! Свежая, непоротая, даже солью хоть чуть-чуть не присыпана. Тепло для нее — погибель!

Авзал Гизатович не выдержал, залез под брезент с левого края, достал из верхнего ящика увесистого муксуна, осторожно пощупал на твердость брюшину, понюхал... Потом он проделал то же еще в нескольких местах брезентовой горы. Степное скуластое лицо его было непроницаемо. Денисков внутренне усмехнулся, наблюдая манипуляции начальника: «Как будто что понимает в рыбе... А соли могли бы догадаться прихватить крупной, рогожной. Тоже мне добытчики!»

Борис посмотрел на свои морские часы: уже полчаса стоял на якоре встречный катер, что-то уж слишком долго парламентарии пострадавших вели там переговоры о помощи.

— Кажется, к нам идут, — толкнул его моторист.

Сквозь пелену дождя ожидавшие с трудом рассмотрели, что огни катера стали смещаться, приближаться. Вот изменился силуэт судна, сузился его корпус — значит, катер повернулся носом в их сторону. На палубе «Зюйда» почувствовалось оживление. Капитан на радостях сбегал вниз и вернулся, сладко пожеывая губами — видимо, у него было припрятано согревающе-бодрящее. Но рано обрадовался Максим Федорович. Надежды пострадавших не оправдались: катер поерзал туда-сюда метрах в трехстах от «Зюйда» и снова закорился.

А скоро инспектор и Никола молча вскарабкались на палубу родного судна. Их встретили тревожным, угрюмым молчанием.

— Не пройдет он сюда, — наконец сообщил Володя. — Осадка у него большая.

— Да шо брехать зря, они сами все видели, — бросил Никола.

Все спустились в кубрик.

— Рыба-то... — начал Авзал Гизатович. — Дождь. Тепло. Рыба-то сгорит.

— Понимаем, — буркнул Володя.

— Надо выгружаться на берег! — решительно отрубил Авзал Гизатович. — Здесь останется экипаж.

— Валяйте, — равнодушно поддержал капитан. — Нечего, в самом деле, ждать у моря погоды. Я тут один останусь.

— Есть еще один вариант, — оживился Володя. — Предлагаю добираться до Сургута на шлюпке. К вечеру дома будем.

После такого предложения в кубрике возникла какая-то особая тишина. Никто не смотрел друг на друга, но все думали об одном и том же. Денисков тоже понял смысл этого молчания и, конечно, сообразил: «Уж мне-то в этом варианте ничего не отломится. И так обузой для них стал».

— Интер-ресно, подымет казанка трех человек да еще полтонны груза... нет, груза-то поболее?.. — сдерживая назревавший в нем отпор, спросил Никола.

«Ну, так и есть... — мелькнуло у Денискова, — три человека... Значит, обо мне, само собой, и речи быть не может. Экипаж должен остаться, это понятно, но я-то?..» Борис почувствовал, как с самого дна его души пробиваются вверх мелкие пузырьки обиды и, накапливаясь, подступают к горлу удушливой пеной. У него возникло болезненное ощущение беспомощности, брошенности. И главное, от него ничего тут не зависело. О капитане и мотористе он как-то не думал, не хотел думать. Их положение объяснялось уставом речной службы — они не должны бросать судно.

Борис все-таки вынужден был признаться себе, что всплывшая на поверхность его души пена — это, если сказать честно, и есть та самая махонькая житейская

подлость, может, не совсем подлость, может, ее предпосылка, но что-то в этом было нечестное, низкое.

— Поедем мы с Владимиром Егоровичем, — властным голосом произнес Авзал Гизатович, потом с деловито-дружелюбной улыбкой, как бы смягчая сказанное, добавил: — А из Сургута я срочно направляю к вам катер. Понадобится — вертолет найду.

— А с рыбой как?! — Никола уже с трудом сдерживал закипавшую злость.

— Мы свой пай, конечно, возьмем в лодку, — как нечто само собой разумеющееся ответил он.

— Ясно, — отрубил Никола и пересадил на голове белую заячью шапку. — Это вы здорово придумали! Одно только запомнили... — Теперь в голосе Николы откровенно звучало язвительное злорадство. — Лодка-то моя. Эт-то моя шлюпка! И хозяин в этом деле я. Вы тут... как хотите, а я уйду до хаты.

В кубрике повисла зловещая тишина. Это было уже молчание открытого раздора. Авзал Гизатович окаменел, смуглая кожа его лица в тех местах, где круто выпирали скулы, стала гипсово-белой. Борис во все глаза смотрел на происходящее, понимая, что именно теперь, в конфликте этих трех человек — Авзала, Николы и Володи, решается судьба еще недавно дружной, теплой компании и горемычного кораблика «Зюйд». И у Денискова возникла парадоксальная мысль: вот сейчас, в этом раздоре, зародится единение, которое выведет всех из тупика. И произойдет это из-за самой угрозы раскола — раскол во всякой критической ситуации, если не губителен, то, по крайней мере, дорого обходится. Но почему молчит Володя, Владимир Егорович, старший инспектор навигационно-технической инспекции и настоящий хозяин арендованного судна? Володя сидел, опустив голову на кисти рук, упавшие вниз густые волосы закрывали его лицо. «Что скажешь, инспектор?» — этот вопрос был в глазах всех мужчин.

Наконец хозяин катера резко распрямился, так что волосы отлетели, открыв усталое, но твердое в принятом решении лицо.

— Шлюпку мы тебе, Никола, не отдадим. И ты это сам знаешь, — размеренно, с некоторым нажимом начал Владимир Егорович. — Сейчас всерьез возьмемся за катер. Спасение утопающих, как говорится, дело рук самих утопающих. Кострецкого временно отстраняю, за штурвал встанешь ты, Никола, помогать тебе будет Борис. Будем вымываться назад. Хоть сутки проторчим здесь, хоть на руках, но вытолкаться на воду надо!

...Вечером «Зюйд» вырвался из песчаного плена, обогнул злополучную косу и вышел на левый рукав Оби, который и был фарватером. Кое-как дотянули до ближайшего рыбацкого поселения, разжились продуктами, устроили роскошный ужин и повалились в кубрике, сраженные тяжелым сном.

Волнения прошедших суток как рукой сняло. Борис проснулся в бодром настроении, с предчувствием какой-то грядущей и не очень далекой перемены. Вообще в последние дни это ощущение возникало у него с символическим постоянством. И на этот раз в нем поселилась подспудная уверенность, как будто он находится накануне важного решения, когда оно еще только вызревает в подкорке, но уже подает сигналы своей определенностью.

Он бегло осмотрел кубрик: Володя еще спал напротив на нижнем диване, капитан и моторист тоже лежали в своем носовом отсеке, а верхние полки пустовали. В правый иллюминатор прицельно било утреннее солнце, висевшее над дальним правобережным лесом. Борис с уважением подумал о Николе и начальственном башкире: вот, мол, ранние птахи. Он стремительно поднялся, с трепетом предвкушая, как сейчас ока-

тится из ведра льдистой обской водой, разотрется жестким вафельным полотенцем, а потом с наслаждением затынется первой, самой сладкой «беломориной».

Так он и вылетел на палубу и был остановлен, ошеломлен ослепительной синевой стылого неба и пронзительной резкостью утреннего воздуха. Пахло снегом... Настоящим зимним снегом. На катере всюду лежал снег, на крутоярье лепился снег, на береговом припае по всей его площади стелился снег. То был пушистый новорожденный снег наступающей зимы. И его сверкающая белизна слепила глаза, выбивая непривычную слезу. И само ноябрьское солнце, казалось, приветствовало его, благосклонно протягивая к нему свои ласковые лучи.

Катер за ночь изрядно приморозило к береговому льду. Денисков машинально отметил это, но без всякой тревоги, взял ведро и пошел на корму. Обский фарватер невдалеке дымился паром и чернел беспокойно бьющейся волной. Пробив ледок за бортом, Борис зачерпнул полное ведро и уже начал стягивать свитер, когда услышал голоса на носовой палубе. Разговаривали Авзал и Никола.

— Я тебе говорил вчера... зачем здесь ночевать! Домой надо.

— Да куда ж ночью! Капитан такой...

— Сам бы повел.

— Да как же его отставишь! Он тут хозяин.

— А теперь вмерзнем где-нибудь, что тогда?.. Вся рыба кобыле под хвост?..

— Да не вмерзнем.

— Ры-ба-а... еще денек, и выбросить придется. — В голосе Авзала Гизатовича звучала откровенная злость.

— Довезе-ем.

В этом раздраженном разговоре была та особенная приглушенность, какая возникает при сговоре, нечистая потаенность слышалась в этом разговоре.

Борис поморщился, словно подслушал что-то неприличное. Он почти физически ощутил, как уходит острое и радостное чувство утренней пронзительной свежести. Точно боясь окончательного опустошения души, стремясь сохранить в ней хотя бы частицу недавней бодрости и силы, Денисов рывком стянул свитер и, согнувшись, вылил на себя все ведро: ледяной огонь мгновенно вспыхнул на коже плеч, рук, прокатился на грудь и по ложбине позвоночника — сразу стало горячо.

Борис громко рассмеялся, схватил полотенце и, беспощадно растирая тело, подумал о невольно подслушанном разговоре: «А-а, черт с ними... Жлобы, что там говорить! Да мне с ними детей не крестить, доберусь до Сургута, а там и до Тюмени рукой подать. К вечеру будем в Сургуте... Но какой забавный рейс, да-а... Сколько уж времени добираюсь из Сатыги?..»

Сатыга. Опять пришла на ум эта деревенька, с ее тремя десятками домиков, магазинчиком и медпунктом... Аккуратный такой домик с высоким крыльцом, и там в нем за белыми стерильными занавесочками Рита Кречетова... Борис надел свитер, присел на леер и закурил. Ему было жарко и хорошо. О Рите подумалось вот так же хорошо и жарко, и опять появилась уверенность в какой-то жизненной перемене.

Но почему именно сегодня пришло все это? Разве не являлось подобное и прежде? Ведь и в ранней юности ты вставал в одно прекрасное утро с сознанием: вот-вот что-то решится — и угадывал на горизонте силуэты будущей жизни, и торопил грядущее, распаляя свое воображение... А потом это приходило, обретало черты реального, действительного. Или, наоборот, против всех твоих ожиданий, ничего не случилось — и ты тогда впервые испытывал разочарование, горечь обмана. Но вот было новое утро — и ты снова трепетал от предчувствий. А там опять неожиданная пустота и

обыденность. Но ты все же веришь в то грядущее утро, что в сотый, в тысячный раз разбудит тебя... И ты снова проснешься сгустком обнаженных, предельно чутких и ранимых нервов... И кто знает, где застанет тебя этот миг. Вот здесь, на корме маленького катерка, под стылой синью северного обского неба?

Но ведь надо еще распознать это чувство. И понять его истинный, глубинный смысл. Ведь еще не в том дело, что пришло предчувствие, желание, тяга к переменам: я хочу, я жду... С этим приходит сила, что не дает тебе покоя. Именно она, эта сила, будоражит нервы, подмывает тебя, толкает к неожиданным поступкам, к решительным поворотам твоей судьбы. Готов ли ты к этому, способен ли шагнуть навстречу грядущим переменам?..

Борис разволновался, закурил вторую папиросу и принялся бродить по палубе. Вспомнил свой давний разговор с Ритой.

То был августовский вечер, время необыкновенной золотой мудрости. В полном безветрии стояли вокруг деревеньки полыхающие березовые рощи, небесная синева в своей застойности оседала на дальние сосновые леса слоистыми облаками, река привычно свершала свой вечный исход к океану, деревенька затихла в предсонном забытии — все располагало, настраивало на задушевность, искренность, откровенность. Рита сидела у распахнутого окна, по-старушечьи кулачками подперев подбородок, пристально смотрела куда-то в сторону Оби.

— Мне здесь как-то странно, — размышляюще, словно прислушиваясь к правде этих слов, говорила она.

— Чем же странно? — машинально спросил тогда Денисков.

— Я здесь думать стала... Да-да. Раньше как будто

и не думала вовсе, а так... Нет, конечно, думала о всяком таком... об учебе, будущей работе. Мечтала о всяком разном, влюблялась... опять и об этом мысли были. Но все не так, как здесь.

— Что же не так? — Денисков внимательно, не узнавая, смотрел на девушку.

— Я тут вот о чем догадалась... Ведь раньше я как думала: вот завтра будет то-то и то-то, и тогда я буду жить так-то и так-то... А приходило завтра — и ничего особенного! И опять я думала: вот завтра... Ах, сколько раз повторялось все это! Но вот уж училище закончила, а ничего! Диплом, распределение, эту деревню я сама выбрала: опять гадала — а вдруг там... Ну, ты понимаешь, о чем я?..

— Опять завтра?

— Ага... Приехала, живу, работаю... Господи, а ведь опять ничего не происходит! И главное, я сама ни в чем не меняюсь. Все та же глупая девчонка. Двадцать два года... Жизнь проходит, а ничего не происходит.

— Прямо в рифму.

— Правда?.. Не заметила. Ты уж не смейся, Боренька.

— И это здесь тебе открылось?

— Да. Здесь так тихо, просто.

— Тихо и просто, знаешь, только где?

— Не надо, Боря. Ты меня пойми. С одной стороны, глушь... большая жизнь будто бы мимо идет, вдалеке, в шумных местах и городах, но ведь я и в городе так же... и все мы там одинаково жили: у меня свой уголок, у подруги — свой, у тебя... И опять нам казалось, что настоящая жизнь в другом месте идет, а не тут. А в столицу переедем, и там ведь можешь на островочке глухом оказаться. Так в чем дело, зачем мы рвемся? Завтра, завтра... А я сегодня жить хочу! Мне ведь, Боренька, много надо, но такого, чтобы все это сегодня, сейчас.

— Что же такое много?

— А вот посмотри... Река такая громадная. Леса вон синие, загадочные. А березовая роща у деревни. Старухи хворые, старики пьяненькие, они свое отработали на реке да в тайге. Летом жара, зимой пурга воеет — жутко, чудится всякое... Знаешь, здесь и мечтается как-то особенно сладко.

— И никуда не тянет?

— Иногда тянет, но ведь это и есть мечтание. Помечтай, а живи здесь — просто, чисто... Живи каждую минуту, не откладывая на завтра, каждый день...

— И это все здесь?..

— Да, Боренька.

— Но ведь и семья нужна? — Денисков иронично прищурился.

— Ах... Да, конечно.

— Так как?..

— А вот выйду замуж за какого-нибудь рыбака или охотника...

Потом разговор незаметно перешел на Денискова.

— А вот зачем ты сюда приехал, Боря? — Рита задала вопрос с необыкновенной серьезностью и ждала ответа.

— Я?.. Хм... Ну-у, если просто сказать, то... Ну, решил на свежем воздухе поработать. Знаешь, потянуло что-то... Я ведь на реке вырос. Да и подзаработать можно. И рыбка свежая.

Да... Был разговор. Вспомнив неискренний, шутовской ответ на вопрос Риты, он поморщился, как от зубной боли: «Не то, не то!.. Все не то говорил, не так поступал, дергался, как петрушка! Но что сейчас-то?.. Скоро Сургут, там на самолет — и прощай, Север. Ну, может, занесет еще когда летом, для вдохновения души!..»

«Зюйд» без особого труда оторвался от левобережного припая и вышел на дымящуюся фарватерную волну. И сразу почувствовалась обманчивость осенней погоды: под прикрытием высокого глинистого берега маленький ярославец и его экипаж чувствовали себя очень уютно и наслаждались яркой свежестью ноябрьского утра, а на речном просторе, лишь только вырулили за излучину, катер со всего хода ударился о плотную стену встречного ветра и задрожал всем корпусом. Прямо по курсу свистел над черным фарватером шальной западный ветер, свалившийся в сибирскую низину с Каменного Пояса, а может, это был отраженный Уральским хребтом полярный сквозняк. На Оби гудел шторм. Абсолютно чистое высокое небо, по-зимнему холодно ослепительное солнце — и при этом шторм. Дикий непорядок в природе!

Кострецкий с утренней тоской смотрел на ледяные волны, и в нем самом глухо закипала холодная беспредметная злость. Кажется, он впервые трезво осознал себя, мятого, пожухлого, с трехдневной щетиной на подбородке, стоящего за баранкой — разве это штурвал?! — хилого катеришки среди каких-то людшек, на какой-то сумасшедшей реке, где никаких законов лоции, где фарватер гуляет, как ветер... Счастье еще, что не северный ветер — боковой волной маленький «Зюйд» давно опрокинуло бы через левый борт. Дизель ревет на полном, а катерок еле тащится вниз по течению. Течение?.. Где оно, если шквал гонит Обь в обратном направлении? «Все... Брошу, брошу все! Вернусь в Калининград хоть матросом, но в море. Брошу пить, еще не поздно!» — с решительной тоской думал капитан и ожесточенно жевал папиросный мундштук.

— Меха-аник! — с нерассчитанной злостью рявкнул Кострецкий, смущенно отметил про себя этот срыв, но тут же подумал: «Господи, да какой он механик... по мотоциклам разве что!»

Из кубрика с книжкой в руке выглянул Андрей, поднял на капитана вопросительные глаза. «Во-о! Меха-а-ник явился! Роман почитывает, а там дизель, может... Э-эх!»

— Держи колесо, что ли, тьфу! Я тут пока...

Кострецкий поймал снисходительно-понимающий взгляд парня, густо покраснел и с нарочитой деловитостью вышел из рубки. Он спустился в люк машинного отделения, обошел напряженно рокочущий дизель, осмотрел все это горячее трудолюбивое хозяйство, в котором, кажется, ни одна железка не стояла без дела, без пользы, и вылез на свежий воздух. Несколько секунд капитан постоял в нерешительности, потом отчаянно махнул рукой, будто отменяя некое навязчивое сомнение.

В кубрике, на счастье, никого не было. Он приподнял свой диванчик, сунул руку в сундук и извлек оттуда целенькую бутылку водки — у капитана водился свой НЗ. Немного поколебавшись, он отцедил полстакана, потом со щемяще-виноватой гримасой долил до пояса. Спрятав бутылку, капитан закурил. Наконец теплая волна накрыла его, нервы отпустило, боль в надбровных дугах утихла, и в голове зароились путанные мысли обо всем сразу: «Последний рейс... Паршивый получился рейс. Эти рвачи с начальником, тьфу! Ры-ыбки... ну, а мне-то зачем эта рыбка? Что у меня тут? Семья, дети? Да где они, господи?.. Последний рейс. Не-ет, сдам это судно... ха-ха... этот унитаз — и домой! На колени перед Ольгой, простит?.. К вечеру будем в Сургуте, если ничего не случится. Ничего вроде бы не должно... Стоп!»

Максим Федорович рывком поднялся с диванчика. Он вдруг вспомнил, что в машинном отделении под ногами хлюпала вода, он даже забрызгался, когда тяжело спрыгнул в люк.

Кострецкий не заметил, как очутился в машинном. С первого взгляда здесь все было нормально: ритмично

стучал дизель, глухо, ровно позванивал гребной вал, от мотора исходил привычный устойчивый жар. Но сапоги капитана почти до щиколоток скрывала скопившаяся на днище вода. Он бросился к помпе, которая должна автоматически откачивать проникающую влагу, хотя сразу подумал, что она не работает: насос крутился практически вхолостую — где-то пробило прокладки. Кострецкий взялся за рычаг ручной помпы у левого борта. Минуты через три ему стало жарко, он сбросил стеганный ватник и дергал рычаг вверх-вниз еще минут десять. Кострецкий стал задыхаться, почувствовал противную дрожь в ногах, а сердце в груди принялось беспорядочно стучаться в ребра. Он бросил рычаг и присел прямо на помпу. Отдышавшись, капитан с удовлетворением отметил, что воды под гребным валом стало меньше — значит, ручником можно справиться.

В рубке Максим Федорович застал всех обитателей «Зюйда». Ни слова не говоря, он отодвинул Андрея от штурвала и кивнул за спину. Моторист понял и выскочил наружу. Через пять минут он вернулся и наклонился над плечом капитана.

— Ага, сообразил все-таки, — хмыкнул Кострецкий. — Ну, говори вслух. Впрочем, я сам...

Денисков, еще когда капитан вернулся в рубку с непривычно трезвым, осмысленным выражением лица, подумал, что на катере что-то случилось. И сейчас это перешептывание с Андреем. Он бросил взгляд на всех остальных. Авзал Гизатович тоже смотрел на капитана и моториста настороженно. Володя рассеянно уставился в окно, размышляя о чем-то приятном, губы его чуть приметно улыбались. Никола, сразу оценив обстановку, сдвинул на брови заячью шапку и тоже отправился в машинное отделение.

— Значит, такая обстановка на судне, — объявил Кострецкий. — В машинном вода. Будем откачивать

ручной помпой. Все по очереди. Иначе, сами понимаете... Если вода подыметсЯ до вала — амба!

— Да-а, ничего страшного... — слышался хозяйственный бас вернувшегося Николы, — по двадцать минут разминки на брата... Насос добрый, качает что надо.

— Я думаю, на той мели расшатало фланец на гребном валу... — вставил моторист.

— Думай не думай... вкалывать надо! — рассердился капитан.

— Этого мне еще не хватало! — ожесточенно бросил Авзал Гизатович.

— Ну, я пойду первым, — распределил Никола, — потом Андрей, Борис, Владимир Егорович... — Никола посмотрел на спину начальника, удаляющегося вниз в кубрик, ухмыльнулся недобро. — Потом по новой, значит.

Через час под дизелем стало почти сухо, и насос пока оставили в покое.

Теперь «Зюйд» все время прижимался к горному берегу, на случай серьезной аварии. Капитан предлагал приткнуться в первом же подвернувшемся затишке и перебраться машинную помпу, но всем обитателям несчастного катера до смерти надоело это затянувшееся путешествие, и каждая новая задержка представлялась очередным издевательством судьбы — они рвались в Сургут, который теперь казался им общим домом. Хотя по-настоящему жили там лишь трое: начальник, инспектор и Никола. Один только моторист Андрей хранил философское спокойствие: казалось, он никуда не спешил, не думал о том, что скоро праздник, не волновался за течь в машинном отсеке — он сидел в углу своего топчана с толстой книжкой на коленях. Денисков прочитал название: Скотт Фицджеральд, «Ночь нежна». Борис не знал такого писателя, хотя не считал себя совсем уж дураком — читал всяких иностранцев. «Во-о какие книжки на Оби читать

стали!» — иронично восхитился он и насмешливо хлопал Андрея по плечу.

Остановку все категорически отвергли. Потому что до места оставалось каких-нибудь несколько часов хода и потому что сомнительное слово «авось» после всех пережитых приключений возымело над ними магическую власть. Наверное, это слово только и объединяло сейчас шестерых мужчин. В остальном же ничего общего у них, кажется, не осталось. Денисков вообще чувствовал себя на отшибе, ему нравился один лишь Андрей. Моторист в джинсах и свитере тоже выпадал из ритма катерной жизни. Капитана отгородил от остальных невероятный пластунский рейд на песчаной косе и совсем уж необъяснимое воровство рыбного мешка. И даже триумвират действительных хозяев катера, дружно начинавший рыбный промысел неделю назад, теперь распался. Начальник после ссоры из-за шлюпки окончательно пренебрег окружающими: Авзал Гизатович с каменным лицом лежал в своем новехоньком полушубке на нижнем диване и жестко высматривал нечто на деревянном дне верхней полки. Глядя на Авзала Гизатовича, Денисков соображал, что кому-кому, а уж Кострецкому этот последний рейс выйдет боком. Впрочем, что с того! Сегодня они прискребутся в Сургут, завтра он получит расчет в рыбозаводе, а там — самолет на Тюмень, отцовский дом, чистый костюм, праздничный стол... и все такое прочее.

Э-эх, как же ценит человек домашний уют после нескольких месяцев, да что месяцев, даже недель скитаний! И опять же у него, Денискова, рыбка с собой. Угостит родню, угостит друзей. Добытчик. Добытчик! Ха, если б они знали, сколько рыбы добыл Борис за путину... Да нет, это ерунда... Вот если б они знали, сколько переворочал, перелопатил этой рыбы Саня Валов! И как не надоела ему эта ценная рыба, от которой в путину в глазах рябит, в плечах ломит, а в засту-

женных ногах и поясице трещит, стреляет иной раз так, что хоть на всю обскую ширь волком вой. А заработок добрый всего-то месяца на два-три, раскинь его на весь год — и получится, что у заводского слесаря средней руки. Ругает рыбак свою страдную долю, материт в лютую погоду, а не бросает реку, не уходит с речной пахоты... И когда начинает говорить обо всем этом, то и тебя может обратить в свою цеховую веру, и ты потом смотришь на исконную жизнь Тюменского Севера горячими заинтересованными глазами... Борису вспомнилось, как звал его Валов приехать на пути-ну в следующее лето.

IX

Дверь в кубрик с треском распахнулась. В дымное табачное тепло просунулась напряженная физиономия Кострецкого.

— Начальник, пойдй сюда, — голос капитана опять приобрел виноватую вибрацию, значит, снова что-то назревало.

Но некоторое время никто не откликнулся, и Денисков с интересом подумал: «Действительно, кто же у нас начальник? Башкир или Володя?..»

Кострецкий не сразу надумал поднять новую тревогу. Собственно говоря, он сам, по капитанскому праву, мог принять решение... Вернее, если б он прошел мимо, те, внизу, в кубрике, так ничего и не заметили бы, не поняли, что он оставил за кормой бедствующий караван. К тому же у него было серьезное основание для такого решения — стоило только просигналить на буксир, что «Зюйд» имеет течь, что бедный ярославец сам не чает дотянуть до Сургута... Никто бы его, Кострецкого, не упрекнул, если б он прошел мимо неуклюжего БТ-349. Те, внизу, в кубрике, пожалуй бы, и одобрили его маневр. Если б он прошел мимо.

Еще выходя на левый поворот, покидая береговое затишье и напряженно ожидая шквального налета ветра, Кострецкий увидел впереди хвост плотоматки с тускло мерцающим сигнальным фонарем. Капитану тогда же бросилось в глаза, как подозрительно близко прижимается конец плота к правому берегу, к мелководу. Наконец показался и буксирный теплоход с тяжелой, темно-желтого цвета надстройкой; тудяга тяжеловоз был весь окутан черным дымом — дизели, видать, ревели на пределе, выплевывая в стылое небо неотработанную солярку. Кострецкий по привычке поискал взглядом катер сопровождения, зная по недолгому северному опыту, что хвост плотоматки нуждается в поддержке вспомогательного судна. Белая рубка ТЛ возвышалась с другого края плота, почти у самого хвоста; легкий катерок, судя по всему, тоже работал из последних сил, стараясь отжать концевую часть плотоматки от мелководья. Кострецкий сразу сообразил, что там происходит. На буксире тоже заметили появившийся из-за поворота «Зюйд» и выбросили сигнал бедствия.

Лишь только «Зюйд» вывернул на стрелу, на него обрушился шквал ветра, он весь задрожал и дальше полез уже против ветра и волны. Буксир дымил чуть правее фарватера. Кострецкий положил катер на его курс и тут же почувствовал, как рвануло штурвал: «Зюйд» стремительно рыскнул, левая волна стала заваливать его на борт... Навалившись всем телом на штурвал, Кострецкий вернул судно на прежний курс. Несколько секунд после этого маневра капитан стоял, приходя в себя после пережитого неимоверного напряжения, холодный пот ознобом прокатился по телу. Против волны катерок снова пополз устойчиво, на редкость трудолюбиво. Но впереди справа приближался буксир, Кострецкий уже мог прочитать надпись на его борту — БТ-349. Капитан прикинул: чтобы пройти-проползти мимо этого несчастного собрата, понадобится

минут десять — за это время он должен принять решение.

Кострецкий выразительно взглянул на своего моториста и с неприязнью предположил, что парнишка, видимо, понимает обстановку. Он повелительно кивнул ему — Андрей (все-таки сработались они за последний месяц, понимают друг друга без слов!) поспешно выскочил из рубки. Вернулся он так же быстро, доложил коротко и, странное дело, шепотом:

— Вода есть, Максим Федорыч.

— Много прибыло?

— Качать пора.

Капитан зажевал очередную «беломорину» и прихурился на дымящий буксир.

— С-самоварщики, — холодно процедил он.

Потом он оглянулся на хвост проползающего мимо плота, машинально прикинул, сколько там тыснонок кубиков добротной, а то и отличной тюменской сосны, и вдруг обнаружил, что катер сопровождения уже не дымит. «Ну дела-а... Теперь еще этот на мель залез или с дизелем что... Ну а мне, выходит, хвост тянуть? Хвост на мели сидит, значит. И красиво сидит!» Кострецкий поймал себя на этих мыслях и удивился: ведь еще мгновение назад он потянулся было за сигнальным флажком, чтобы дать отмашку — у него течь в машинном отделении, у него топливо на исходе, рулевые тяги погнуты, ему самому до Сургута бы доскрестись. А чтобы пришвартоваться к буксиру, надо пройти вперед, потом, круто развернувшись, чтоб не зацепило боковой волной, лечь на обратный курс.

Если б он решил пройти мимо, Андрей просигналил бы, и все. Но он не мог пройти мимо. И в этой ситуации, как ни странно, терял свои капитанские права. То есть официально и объективно — он тут хозяин. Но за последние несколько суток на «Зюйде» накрутилось столько всяких дурацких происшествий, так

опростоволосился, загнав катер на песчаную отмель, потом этот мешок проклятый с рыбой и эта окостенелая физиономия неизвестного начальника, — так вот и получалось, что не мог он, капитан, принять сейчас единоличное решение. Надо было доложить обстановку начальству в кубрике. А кто там истинный начальник: фрахтовал катер старший инспектор НТИ, а потом оказалось, что принадлежит суденышко, через одно ведомственное колено, чернявому. Проклятье!

После некоторого молчания внизу в рубку вылез Владимир Егорович. БТ-349 уже находился от «Зюйда» метрах в тридцати прямо по правому борту. Хорошо видна была в его высокой ходовой рубке фигура капитана. Дверь рубки на теплоходе распахнулась, крупный человек в черном кожаном реглане нацелил на ярославец рупор мегафона. Кострецкий распахнул свою дверь и, ничего не объясняя, кивнул инспектору: слушай, мол, и сам все поймешь.

— На «Зюйде»... На «Зюйде»! Говорит капитан Мышкин... У меня плот на мели... на мели! Требуется ваша помощь... помощь... Как поняли?.. Как меня поняли?..

Кострецкий взглянул на инспектора. Володя поразился — сколько в этих бледных испитых глазах оказалось жизни! Тут же он непроизвольно бросил взгляд на гору рыбных ящиков под брезентом. И уже потом прищуренными глазами (совсем так же, как недавно Кострецкий) просмотрел длинную тяжелую змею плотоматки...

— Вот тебе и Сургут, — со вздохом произнес он.

— У нас течь в машинном, — язвительно оборвал его капитан.

— Но мы откачали...

— Теперь придется качать да качать. Неизвестно, сколько мы тут провозимся.

— Будем качать, — Володя подозрительно прищурился на капитана, словно спрашивая: «Ты хочешь уйти в Сургут?»

— Мне что, я не такое видывал! — Кострецкий с неожиданным азартом потер руки.

Максим Федорович обнаружил рядом внимательно-оживленное лицо своего молодого помощника, уловил в его обычно невозмутимых глазах бесовские огоньки.

— Слушай, Энди! — Кострецкий с силой хлопнул парня по плечу. — Подымай там этих... пассажиров. Объявляю общесудовую тревогу номер один.

Андрей полез в кубрик исполнять приказ капитана. Максим Федорович взял рупор:

— На буксире!.. Говорит капитан Кострецкий... «Зюйд» идет на помощь... Готовьте швартовы...

«Зюйд», как волчок, в одно мгновение развернулся буквально на месте и медленно двинулся к черно-желтой туше буксира. Легкий катерок подгоняла сильная кормовая волна, так что перед самым носом теплохода пришлось отрабатывать задний ход — наконец ярославец мягко коснулся высокого борта буксира и был мгновенно пришвартован.

— Чисто сделано! — прогремело сверху, с палубы буксира.

Борис Денисков, стоявший на носовой палубе «Зюйда», с уважением подумал о Кострецком: «Настоящий, видать, кэп был... Не беда б его зеленая, не занесло бы сюда».

Буксир бешено работал на полной мощности: весь корпус теплохода заволакивало клубами дыма, но судно стояло на месте, напрочь заякоренное многотонной золотистой массой плотоматки, севшей неповоротливым хвостом на обском перекате. Буксир на полной мощности рвался вперед, навстречу крутой волне и шквальному ветру, и в этом бесплодном стремлении его был единственно правильный смысл, единственно верный

способ противостоять стихии — спасти плоты, тысячи кубометров ценного строевого леса. Останови натужную работу мощной машины — и бешеный напор двух стихий, воды и ветра, сомнет оголовок плота, сдавит равномерно растянутые секции в одну массу, порвет обшивку, нагромождает пучки друг на друга, наконец, порвет и разметет сами пучки леса, и потом поплывут они вниз по Оби то кучно, а то и по бревнышку... Поплывет вниз по великой сибирской реке многопотная работа сибирских лесорубов, которые не один месяц на верхних складах и на нижних катали баланы... Пропадет их работа, потому что и в разгар лета непросто собрать на Оби порванный плот, а теперь до ледостава считанные дни — поди лови лес в шуге!

Кострецкий и Володя поднялись на БТ по штурмтрапу. Денисов увязался за ними. Человек в реглане встретил их озабоченной улыбкой, пожал всем троим руки.

— Я уж думал, мимо пройдешь?.. — Он вопросительно заглянул в глаза Кострецкого.

— Я тоже думал... — сорвалось у Кострецкого, и капитан «Зюйда», чтобы погасить смущение, хлопнул по рукаву Мышкина. — Кожа... Флотский?..

— С Тихого, браток! — ответил хозяин теплохода.

— А у меня Атлантика... была.

— Аха, — по-сибирски одобрил Мышкин.

— Так что у тебя, старина?

— Хвост занесло. Шесть часов отработываемся на одном месте... Ну-у, метров, может, на сто продвинулись. Ветер... Матка парусит — и на якоря негде поставить, потом хвост на перекат занесло. Час от часу не легче... Тут перед твоим приходом новая беда: катер на мель сел.

— Видел.

В разговор вмешался инспектор:

— Интересно, сколько здесь леса?

— Три плота по четыре тыщи, — автоматически ответил Мышкин.

— А что так поздно потащили?

— Нефтяники добавки попросили. Вот лесники рискнули... — капитан раздраженно пожал плечами. — У нас ведь всегда так, как в лес ехать — так и сани чинить.

Капитаны перешли на корму и, жестикулируя, принялись обсуждать предстоящие маневры. Володя и Борис скатились по обледелому штурмтрапу на палубу своего катера.

В рубке их встречали Авзал Гизатович и Никола. Никола, надвинув заячью шапку почти на переносицу, угрюмо смотрел в сумрачную речную даль; на скулах у него размеренно перекачивались желваки. Башкир раздраженно мерил шагами тесное пространство рубки, его плотная коренастая фигура назойливо металась от одной двери к другой.

— Да перестань ты мельтешить, как бабочка! — не выдержал чужой маеты задумчивый Никола. Авзал вздрогнул, опять заостенел лицом и тихо, с расстановкой произнес:

— Ты вот что! Ты мне не тыкай, понял!

Никола неожиданно расхохотался, а угомонившись, с серьезной издевкой сказал:

— Здоровеньки булы! Да мы счас с тобой ровня. Мы на палубе, а не у тебя на ковровой дорожке. Усек?

Авзал Гизатович с какой-то даже радостью, словно спасаясь от Николовой насмешки, накинулся на вошедшего инспектора.

— Что это значит, Владимир Егорович? Какой такой дружеский визит у Кострецкого? Что, водка кончилась у него?.. — распаляясь, он переходил на крик.

— Плот на мели.

— А мы тут при чем?

— Помочь надо.

— Помо-очь! Ах вон оно что! А нам в Сургут надо, в Сургу-ут!

— В Сургуте будем к следующей весне, — вставил Никола.

— Мы сами кое-как на плаву. Нам самим бы до-тащиться. Вон течь в трюме...

— Течь невелика, — в рубку вернулся моторист. — Вот и поработаете с качалкой. Наверное, раз-учились руками шевелить! — В голосе Андрея Денис-ков впервые за весь рейс услышал злые нотки.

— А что с рыбой?.. — безнадежно подсказал Никола.

— Вот-вот, а рыба? — Авзал Гизатович получил новый заряд. — Рыба во что превратится?!

Борис с необъяснимой настойчивостью ловил мятущийся взгляд начальника, наконец остановил его, посмотрел прямо в темно-коричневые глаза Авзала Гизатовича... Тот распалился еще больше.

— Да, да, да! Я не затем болтался здесь с вами, — он уже не сдерживал себя, — чтобы вернуться с пустыми руками! У нас рыба! Тебе, инспектор, рыба не нужна?

Володя, застигнутый врасплох, удивленно вскинул на башкира мохнатые брови, машинально перевел взгляд на гору под брезентом на палубе, на щеках его заиграли розовые пятна, ответил он растерянно:

— Да-а, рыба... Но что теперь делать...

— Как что? Отзови Кострецкого. Идем в Сургут!

— У нас и солярка кончается, — вставил Никола.

— Солярку берем на буксире, — остановил его моторист.

— Плот бросить нельзя, — тоскливо продолжал инспектор. — Теперь уже нельзя. Если б прошли мимо...

— Так это Кострецкий! — Авзал Гизатович прямо взвился. — Опять Кострецкий...

Денисков посмотрел на распаховавшегося Авзала Гизатовича, и ему стало смешно: представилось, какая сейчас кутерьма в кипящем мозгу начальника, как шерстит он бедолагу капитана, какие немислимые наказания сыплет на голову несчастного выпивохи, из-за проклятой доброты которого и ненужной честности теперь погибнет на палубе прекрасная, ценная, валютная обская рыбка. Ах, осетринка на праздничном столе, ах, строганинка из муксуна, замороженного в колодку... боже мой! Денисков рассмеялся. Его смех остудил башкира, Авзал Гизатович напряженно подождал, когда отсмеется этот дурацкий пассажир с таким надоедливym пристальным взглядом, потом безнадежно махнул рукой и бросил в сторону инспектора:

— Не ожидал я от тебя, Владимир, такой свиньи.

Эта тихая примиренческая фраза неожиданно подбросила огня в топку ссоры, теперь завелся инспектор.

— А ты что думал, Авзал! Ты думал, я погоню Кострецкого в Сургут? Мимо буксира? А тут двенадцать тысяч кубиков леса, тысяч! Тут катер на мели, тут люди... лю-ди!

— Мы законно. У нас тоже авария.

— Что-о?.. Это ты называешь аварией! — Володя перевел дыхание. — У нас вон где... авария! — Он показал на гору ящиков под брезентом.

— Еще неизвестно, как войдете в Сургут с этим, — вставил моторист тоном постороннего наблюдателя.

— А я из-за тебя партбилет не намерен выкладывать в горькоме! Плевал я на твою рыбу!

— Да ведь ты добывал ее... Выходит, твоя она, а не моя. Ты инспектор, а не я. Вот как!

Вдруг все успокоились, чего трудно было ожидать в подобной ситуации. Противники словно выкипели, выплеснули наружу скопившуюся за последнее время осадочную злость и теперь переживали тихую пустоту. Лица мужчин расслабились.

Один Никола, не принимавший участия в ссоре, все так же напряженно смотрел из-под шапки в сумрачную даль реки, желваки на скулах выдавали его внутреннюю расчетливую работу: что-то прикидывал, высчитывал, соображал. Наконец он пришел к решению и результаты своей трудной мозговой работы сообщил вслух:

— Вы как знаете, хлопцы... А я пойду до дому, до хаты. Бензину у меня хватит, часа через три-четыре буду в Сургуте. Рыбу-то помогнете забросить в лодку?

— Сумасшедший! — процедил Володя.

— Далась ему эта шлюпка! — буркнул Андрей.

— Никола, возьми меня, — по-детски просительно сказал Авзал Гизатович. — К вечеру хоть дома будем, а?..

Моторист повел плечами.

— Боливар двоих не вынесет.

Никола спустился в кубрик, через минуту появился оттуда с рюкзаком, поставил его на капитанский круглый табурет, вытащил из него два больших новеньких мешка. Делал он все это неторопливо, хозяйственно, озабоченно. Глядя на него, Денискову представилось, как Никола аккуратно раскладывает по мешкам рыбу, свой пай...

Холодный поток воздуха ворвался в рубку, разогнав сизое табачное тепло, — появился Кострецкий. Максим Федорович неузнаваемо преобразился. Китель у него был застегнут на все пуговицы, фуражка сидела на голове глухо, по форме, — вообще вид у него был деловой и строгий, а глаза горели молодой забо-

той. Он приготовился сделать какое-то заявление, но, заметив сборы Николы, сразу оценил обстановку и вопросительно взглянул на инспектора. Володя в ответ пожал плечами: я тут, мол, при чем, собрался человек — пусть катится...

— Та-ак... — Капитан отбросил нерешительность. — Далеко собрался?.. Ты, Никола, опять за свое! А знаешь, что я сделаю с тобой?..

— Ну что ты сделаешь мне? — Никола от такого наскока даже повеселел.

— Я твою дюралевую калошу сейчас прорублю. — Кострецкий спустился в крохотный отсек напротив жилого кубрика, вылез оттуда с большим топором и вышел из рубки.

Никола некоторое время стоял в оцепенении с ухмылкой на лице, потом, очнувшись, бросился вслед за Кострецким на корму, где лежала шлюпка.

Вернулись капитан и Никола вместе. Хохол засунул мешки обратно в рюкзак и со злостью швырнул его вниз, в кубрик.

— Теперь так, — спокойно начал капитан, проследив за полетом рюкзака. — Два-три человека нужно на плот. Двое должны дежурить в машине у ручника...

Никола, Андрей, Борис и сплавщик с буксира, погрузив в шлюпку багры, кувалды, цепи, кованые скобы, пошли к плоту. Сплавщик, ширококостный, квадратный мужик с угреватым простуженным лицом, отодвинул Николу от мотора и медленно повел лодку вдоль плотоматки, серые глаза его с птичьей цепкостью бежали по однообразному скопищу бревен, отмечая в их месиве какой-то ведомый одному ему порядок... непорядок.

— Сплавщиков среди вас нет, че ли? — озабоченно хрипел он, не поворачивая головы. — Дело нехитрое. Это мы сейчас покажем.

Сплавщик прижал лодку к обоновке, выскочил на плот, бросил на лес связку цепей, скоб, поманил пальцем Андрея:

— Видишь, здесь обоновку вот-вот порвет... Загнишь на скобах между бревнами эту цепь. И там вон, смотри, вишь, пучки разошлись — цепью их сошьешь. Ну, так и пойдешь... Смотри и крепи, понял? Да особенно-то смотри по закрайкам плота, середка и так никуда не девается. Понял, паря?

Оставили Андрея с кувалдой и такелажем. В другом месте мужик опять заметил непорядок, высадил Денисова, без слов кивнул тяжелой головой: делай, дескать, как велено. А сам с Николой погнал шлюпку к хвосту плотоматки, там предстояла особенно ответственная работа: надо было укрепить все хвостовые связи перед тем, как тянуть плот с переката, — не дай бог, порвется в каком месте, не успеешь ликвидировать прореху, вся матка полезет по швам, и уж потом никакими силами не удержишь лес.

Порывистый ветер развернул на одном месте неловко стоявшего Денисова, Борис покрепче угнездил ноги на скользких бревнах бугристого пучка и, чтобы согреться, закурил, сжавшись шалашиком. Пучок под ним метался на нервной волне. Кругом толкался, терся, колыбался лес, сосновые баланы с обманчивой внешностью близнецов; лес этот как будто ожил теперь в своей новой, водяной жизни. Борис посмотрел маркировку пучка, на котором стоял: сосна шла отменная, лучших строительных кондиций. Он вспомнил, как в свое время сбивал пальцы в кровь молотком и долотом, прирабатывая в школьные каникулы на маркировке на нижнем складе в родном лесопункте. Сейчас мажут несмываемой краской, появилась такая. Покурил, нагрузился тяжелой крепью и неторопливо пошел поперек плотоматки.

Часа через два Андрей, Борис, Никола и сплавщик сошлись у хвостового сигнального фонаря. За это

время моторку три раза гоняли на буксир за цепями и скобами: обходчики обнаружили много порванных связей — оно и понятно, столько времени плоты мотало и било на одном месте. Собрались в крохотной переносной будочке, где у сплавщика находилось нехитрое подсобье: плитка с газовым баллончиком, чайник, алюминиевые кружки, кастрюли... Последним подошел Андрей, когда в будочке уже уютно посапывал чайник, а работнички отогревали ладони алюминиевыми кружками с густейшей жидкостью.

— Значит, мужики, сидим крепенько, — с уютными домашними интонациями пояснил сплавщик. — Я тут промерял, пучков десять завязло. Можем порваться. Дак вы не теряйтесь, чуть че.

— Вы-ылезем, — рассудил Никола.

Денисков отметил про себя, что Никола уже отошел от недавней угрюмости, отбросил сургутские помыслы и теперь готов делать все так же обстоятельно и прочно, как всегда привык делать. Сплавщик одобрительно зыркнул на Николу белесыми глазами, а на молодых взглянул с опасливой заботой.

С буксира загудели. И сразу от него отвалил маленький ярославец. Одинокий «Зюйд» на мятежном обском просторе сразу потерялся, выглядел без буксира сиротливо и обиженно.

— Да-а... — с сомнением протянул сплавщик и еще раз окинул строгим взглядом темно-коричневую громаду плотоматки.

— Ничего. Сто пятьдесят лошадиных сил и маневренность что надо! — успокоил его моторист несколько обиженным голосом.

— Вы-ылезем, — повторил свое Никола.

«Зюйд» осторожно прижался к плоту. Капитан вышел на нос и стал совещаться со стоявшим внизу сплавщиком.

— У меня малая осадка, залезу на перекат и попробую подтолкнуть сзади, — решил Кострецкий.

Ярославец и правда подобрался почти к самым крайним справа хвостовым пучкам и начал осторожно отжимать их от мели. В том месте поднялась мутная пена, потом катер окутался черными клубами дыма, что-то затрещало...

— Пор-рвет, шельма! — Сплавщик страдальчески сморщился и кинулся к катеру.

Кострецкий увидел отчаянные жесты сплавщика — сбросил обороты дизеля. «Зюйд» медленно выбрался с мелководья. Капитан стоял на носу катера, а сплавщик, задрав голову, кричал:

— Ну уж, паря, ты уж лучше за цепь... буксиром бери! А то плот порвешь, толкачом-то!

Он прыгнул в шлюпку, принял буксирный трос и, перебирая руками по обоновочным бревнам, добрался до того места, где на самом хвосте плота висела длинная чугунная цепь, которая волочитися обычно за плотом по дну реки и держит, не дает рыскать по сторонам хвостовой части каравана. Мужик закрепил буксир за хвостовой трос обоновки, отогнал шлюпку в сторону. «Зюйд» тронулся от плота поперек стрежня, трос натянулся... Вот вытянулись из воды провисшие тросы и цепи, вот разбежались в большие промоины бревна обоновки, постепенно разводья между секциями и самими пучками пропали... — плот сгруппировался.

Денисков, моторист и Никола стояли теперь далеко от сигнального фонаря, в безопасной зоне. Но им хорошо было видно, как напружинилась конечная часть плота, они и под собой почувствовали напряженное движение пучков леса. Борису даже показалось, что он слышит гудение буксирного троса. На «Зюйде» дизель уже ревел на пределе. Вдали заметался в шлюпке сплавщик. «Зюйд» резко сбросил обороты, трос провис в воду. Стали заводить второй канат. Его прикрепили к застрявшему на мели правому краю плота. Попробовали оттянуть его назад — надо было сдвинуть с

места присосавшиеся ко дну пучки леса. Второй раз катер натянул тросы, минут пять работал на всю мощность двигателя. Тросы пели. Их ноющий звук ввинчивался в тяжелый влажный воздух, прорезая плотный шум волн и ветра. Вот они снова натянулись до предела, истончились в немыслимом напряжении, зазвенели, зазвенели так, что стекла в рубке катера начали резонировать... Раздался резкий выстрел, следом сразу второй — сзади по рубке и по машинному отделению хлестанули рваные металлические петли. «Зюйд», сорвавшись с буксиров, в сумасшедшем скачке зарылся носом в воду. Кострецкий уже на взлете волны успел застопорить винт катера.

Снова собрались в будочке близ сигнального фонаря. Теперь здесь же были и оба капитана, Кострецкий и Мышкин. Чай больше не варили. Курили, соображали. Беспокойней всех чувствовал себя сплавщик, он же и предложил:

— Дак вот, мужики, я чё думаю. Бросим здесь застрявший лес, а остальное потащим дальше.

— Как это?

— Да отцепим севшую секцию.

— Соображай, Попил, лес-то на нас тобой... — хмуро напомнил Мышкин.

— Дак че?.. Теперь все погубить или хоть че-нибудь спасем?

— Впрочем, тут немного бросать-то?..

— Я уж тут говорил мужикам... Дак пучков десять, смекаю, боле-то не будет...

— А-а, черт с ними. Что же ты сразу не сказал! — Мышкин повеселел, вскочил на ноги, сразу загромоздив своим большим телом тесную избушку.

— Дак жалко, поди, лес.

Работа предстояла нелегкая. Мышкин прислал на помощь двух своих парней с тяжелыми топорами. Надо было разбить обоновку вокруг застрявших пучков,

а потом скрепить плот заново, отсекая от него бросающую часть.

Уже в темноте вырывали ломиками усидевшиеся в разбухшем лесе скобы, кое-где приходилось вырубать их топорами вместе с кусками дерева. Перетаскивали освободившиеся бревна на место усечения плота, снова вгоняли в них скобы с цепями связок, делая новое ограждение, новую обоновку. Вместе со всеми работали и оба капитана. Мышкин ловко орудовал тяжелой кувалдой, для экономии времени просто сбивая или разбивая чугунные цепи и кованые скобы. Кострецкий обливался ручьями пота, но на катер не уходил и поддевал скобы легким ломиком. Несколько раз Денисков сталкивался с ним у одной связки, незаметно помогая подцепить трудную скобку, и ему казалось, что по лицу капитана блуждает азартное недоумение. Борис представлял в такие моменты, что же делает сейчас на катере брезгливый, заносчивый Авзал, и ему становилось весело: как ни вертись, а обоим начальникам «Зюйда» приходится попеременно качать ручной насос. Иногда он вспоминал о рыбе под брезентом и снисходительно жалел неудачливых добытчиков.

Ветер незаметно утих. И когда вогнали последнюю скобу в новой обоновке, показалось даже непривычно, что на реке так тихо. Наступившую уравновешенную благодать в природе не нарушал даже ритмичный рокот «Зюйда» и густой гул буксира. Плот стоял на прежнем месте, но чувствовалось, что он теперь почти свободен и держится на мели, как говорится, на одном честном слове.

Только теперь, когда работа была закончена, мужчины почувствовали ночной холод и разобрали сброшенную в кучу теплую одежду.

В десять часов под звездным небом и при свете прожекторов «Зюйд» плавно оттянул хвост плотоматки с переката и БТ-349 вывел тяжелую сигару на фар-

ватер. К этому же времени экипаж ТЛ устранил неисправность двигателя, и ярославец выдернул катер с мели.

Х

Кострецкий вылез из кубрика за час до Сургута. Он снова выглядел стариком: был помят, встрепан, на лице прибавилось грязно-серой щетины. Недоверчиво посмотрел на приборы, кинул взгляд на левый берег Оби, на туманные промоины раннего неба, но, встретив усталые неосуждающие глаза моториста, подобрел, привычно хлопнул Андрея по плечу:

— Покемарь часок до Сургута.

Великая сибирская река казалась вымершей. Лишь шорох тяжелой воды за бортом да звон разбиваемых на ходу льдин напоминали о том, что еще не все за-костенело в замерзающей округе. Кострецкий и в себе почувствовал нечто подобное: в нем словно иссяк запас физической бодрости, тело будто просило привычной заправки. Максим Федорович потянулся было к заветной дверке справа от штурвала, но остановился, вспомнив, как вчера разогрелся, выковыривая ломиком из намокших бревен кованые скобы. Сейчас бы вот так размяться, и ничего не надо такого... Он закурил, но «Беломор» показался на редкость противным.

Делили рыбу. Денисков, наблюдая за тремя компаньонами, опять убеждался, что каждый из них в эти минуты еще раз подтверждает то впечатление, что произвел раньше. Борис думал, что лучший среди этих трех, конечно, инспектор Володя: ему и неудобно обделять Николу, и за Авзала стыдно. Но интересно, помнит он об экипаже?.. Борис всматривался в Володю и отчетливо понимал, что о команде инспектор совсем забыл, она для него в данном дележе вообще не существует. Выходило тогда, что и Никола не самый

худший среди них. Он, по крайней мере, прямодушен в своей корысти и обиде, для него в этой ситуации все просто: вкалывал, добывал, рисковал, тратил бензин и мотор — отдай мой пай. Вспоминалось, как Никола вывел «Зюйд» из песчаного плена, как был крепок и деловит в трудные часы рейса. А вот Авзал Гизатович, законспирированный начальник, на котором даже рабочий полушубок сидел как дубленка? И не то что у Бориса было предубеждение против него, нет... Знает он, как в Сибири выходят в люди. Помнится, в начале шестидесятых ходил по Мулымье голенастый, в кепке с мазутным козырьком буровой мастер Урусов, тот, что пробурил на Шаимской площади первую скважину с нефтяным дебитом. В те времена Семен еще не носил Звездочку Героя, не выступал с трибун. Это сейчас он, Семен Никитич, начальство, но не такое, как этот вот на «Зюйде»... А этот из припых, явившихся, когда города для них построили, дороги через тайгу и топи проложили. Этот уж не работает, а руководит. Для этих северная тюменская земля — чужой дом. Они тут шуруют по всем сусекам, выгребают из рек и в лесах все, что дается под натиском моторизованного мародерства. О своих детях, о их будущем в этом краю они не думают: их дети учатся в институтах на Украине, Кавказе, в Поволжье, там же заводят семьи и благоустраивают родовые гнезда — их детей тоже не волнует судьба тюменской тайги, живности в ее урманах и реках.

Борис распалился и уже боялся смотреть, как проворно снуют руки добытчиков. И еще Борис отчетливо понял причину вдруг пронзившей его боли (а она приходила именно в его редкие теперь наезды на родной Север), бередила рану одна и та же мысль: «Ты уехал с родной реки в областной город, твоего старшего брата жена сманила совсем уж черт знает куда, под самый Таганрог, чтоб яблони там разводить да легкие деньги наживать, младший брат в Урае вышки

строит буровые... Друзья твои школьные разлетелись по всему Союзу. А кто же на реке остался? Почитай, никого. Вот и остались леса и реки без родных хозяев, без исконных добытчиков и охранителей. И на смену явились другие, чужие. И загремело в тайге, и заухало по рекам и озерам.

А все потому, что уехал ты, уехал твой брат, уехал друг... Все разъехались. А хозяйство ваше заброшенное так и просится в чужие руки: ведь тут ни пахать, ни сеять не надо — тут знай гребь, хватай, поедай готовенькое!»

Денисков, не в силах сдержать злое раздражение, громко, демонстративно сплюнул окурок на палубу, растер его сапогом.

Пока шел до ближайшей остановки, пока трясся в автобусе до аэропорта, толкался в очереди у билетной кассы, все это время Борис Денисков чувствовал в себе тот жизнерадостный облегченный смех, с каким прыгнул в последний раз с палубы «Зюйда». Его не покидало ощущение бездумного, безоглядного освобождения: от чего?.. от кого? — неважно. Скорее всего от какого-то своего непривычного состояния.

Да-а, вот как бывает, когда человеку выдается несколько совершенно свободных дней, когда он начинает смотреть пристально, чувствовать глубоко, мыслить честно.

Ах, Север, Север... В ноябрьскую пору, когда ветер с Ледовитого студит лоб, когда природа губит себя для грядущего возрождения — душа человека открывает нетронутые запасы сердечного тепла, чтобы пережить еще одну наступающую зиму.

Над бесприютной пустотой летнего поля исходила легким снегопадом одинокая, опередившая свой зимний материк тучка. После душной суеты вокзала

здесь, на поле, дышалось хорошо и празднично. Борис шел по снегу, до щемяще-радостной боли ощущая свою неожиданную свободу от всех, от всего. Он не думал о том, что сейчас творится с ним: почему он продал билет на Тюмень, когда услышал новое объявление диспетчера?.. Ведь отдал его первому же парню, а в придачу сунул ошалевшему мокрый мешок с рыбой. Может быть, потому, что на миг ему отчетливо пригрезилось: вот она, наступающая зима, ее не пережить одному, его одинокому сердцу.

Летчик притопывал унтами на подножке вертолета и нетерпеливо махал меховой перчаткой:

— Кто на Сатыгу?.. На Сатыгу!

«Да-а, избалованный народ», — подумал Денисков, поставив свою ногу в резиновом сапоге рядом с цигейкой летчика.

Валерий Андреевич КОСИХИН

ПОСЛЕДНИЙ РЕИС

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**

Редактор **Л. Левина**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **В. Назарова, Г. Василёва**

Сдано в набор 13.02.82. Подписано в печать 13.07.82. А02313.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Школьная». Печать
высокая. Условн. печ. л. 5,6. Учетно-изд. л. 5,7. Тираж 75 000 экз.
Цена 35 коп. Заказ 841.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Крас-
ного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издатель-
ства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119,
Киев-119, Пархоменко, 38—42. Зак. 2—31.

**Читайте в выпусках
Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:**

**Натиг РАСУЛ-ЗАДЕ. Мальчик на
коне. Повесть.**

**Наталья СИДОРОВА. Слышу ветер.
Стихи.**

**Владимир ЕНИШЕРЛОВ. Вечное по
ле. Очерки.**

**Приобретайте выпуски
Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
в киосках и отделениях
Союзпечати.**

35 коп.

Молодая гвардия

35 коп.

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

№ 38
1982

Валерий
Косихин

ПОСЛЕДНИЙ
РЕЙС

МОСКВА, 1982